

Вадим Климов

**Бесплатное питание
на вокзалах**

2008

*Я до того не уважаю писательство,
что тушу сигареты о страницу,
над которой тружусь.*

Антонен Арто в изложении Джереми Рида

[1]

Речь пойдет о Бутербродной на окраине города. Заведении настолько неприглядном, что диву даешься, как о нем вообще кто-то написал.

Этим писательством я и занялся. Поэтому мне можете верить на слово. Текст насыщен таким количеством повторов, неточностей, ужасного стиля, бесконечных перечислений, вранья, дилетантства, опечаток, сумбура, непрочного сюжета, детского лепета, кустарщины, случайных восклицательных знаков, провинциальности, не тех падежей, времен и прочей подобной дребедени, на которую все равно никто не обращает внимания, что даже неловко.

Какое время – такие романы!

Орфография тоже не на высоте, пунктуация довольно условная. Наша писанина в них не нуждается.

На этом пока остановимся.

[2]

Вокруг Бутербродной, расположенной в таком неудачном месте, где и зданий, кроме ее собственно, нет ни одного, возникает необъяснимый ажиотаж. Люди вокруг тоже не живут, потому что никто никогда не жил и не работал в этих местах. И тем не менее ажиотаж возник.

Сотни посетителей. Со стола не успевают убрать после одной компании, как его занимает другая. Любители поддать едва не разносят в щепки барную стойку. Занято абсолютно все. По восемь, по шестнадцать, по двадцать пять человек на квадратный метр. Кроме стульев, на которых по одному, максимум по трое. По шесть, по восемь, по шестнадцать человек за столом. Забиваются все углы, подоконники, цветочные горшки - и те заняты.

Некоторые люди стоят, скромно держа тарелки на весу, часто со вторым блюдом в ногах, нервничая, чтобы никто не задел их тарелки, просят солонку у посетителей за ближайшим столиком, но те против, потому что их и без того шестнадцать человек, и солонка никогда не бывает на столе, ее постоянно трясут над чьей-нибудь тарелкой, передавая из рук в руки, каждое блюдо солят по пять раз, чтобы понять замысел повара, и эти шестнадцать человек, все они конечно против, они не позволят какому-то прохожему с тарелкой в ногах пользоваться их солонкой, кто-то даже поднимается со стула, усугубляя и без того напряженную ситуацию, завязывается драка, на вопли выбегают официанты, разнимают оголодавших людей и приносят еще одну солонку, которую тут же забирают посетители из-за стола, а свою швыряют стоящему мужичку довольно нелепого вида, тот трясет солонку над тарелкой и понимает, что она пуста, ни соли, ни чего-то еще, все вытрясли до него.

Тем временем люди толпятся у входа, ожидая своей очереди. Новые посетители заходят в Бутербродную, и без них под завязку набитую, еще и с кучей ждущих своей очереди, когда их пропустят к столикам, хотя бы к барной стойке или в освободившийся угол. Зашедшие напирают на всю эту публику, пока не начинают скрежетать ножки столов.

Толпа сносит все построения вместе с барной стойкой, барменом, официантами, стульями, жующими на них так и не заплатившими по счету посетителями с женами, детьми, друзьями, за которых нужно платить самим, потому что у тех за душой ни рубля, зато хорошие коммуникативные качества: долго и интересно рассказывают или долго и безропотно слушают.

И все великолепие с котлетами, супницами, рассыпавшимися по столу тефтелями, разлитым вином, надкусанным хлебом, непрожаренной уткой, закусками, салатами, соусами, со всем этим бесплатным хле-

бом, надкусанным или еще целым, пельменями, ветчиной, сырами, паштетами и блинами, разъяренные от голода и того, что все это жрали у них глазах, люди сметают мебель, блюда и других посетителей, загоняют их в конец зала и набрасываются на остатки еды, которые к тому времени валяются раздавленными по полу помоями.

Стоя на четвереньках, слизывают супы, соусы, вина, хорошие и не особо ликеры, коктейли, горячий, обжигающе горячий шоколад, кофе по-мароккански, по-мексикански, по-турецки, по-албански, по-венски, по-малайски, по-румынски и кофе "Стандарт", пятьдесят видов чая, газировку, молочные каши, одеколон, бензин, обычную воду и грязь с ботинок только что с улицы.

Жидкости смешиваются на полу и всасываются сотней давящихся слюной глоток, рычащих в предвкушении. А другая сотня глоток набрасывается на съестное. Изысканные, виртуозно приготовленные блины с двадцатью тремя видами начинок.

Их следовало бы перечислить все, может быть, кроме нескольких не совсем удачных, но в том-то и дело, что все они одинаково хороши, и каждая нуждается в упоминании, и каждая будет упомянута, не сейчас, так через пару абзацев, не через пару абзацев, так через пару страниц, не через пару страниц, так через пару глав, или в самом конце, или в самом начале - эпиграфом, не первым, так вторым, или третьим, или четвертым, или предпоследним, или все-таки вторым, потому что это не самое главное в нашем тексте, но одно из самых главных, и поэтому следовало бы упомянуть эти начинки хотя бы в эпиграфах, если им нет места в основном тексте, но они не будут упомянуты ни там, ни там, ни в эпиграфах, ни в тексте, им будет посвящена отдельная глава.

[3]

Этот вандалистский инцидент, разнесший в хлам Бутербродную, своей нелепостью потрясший и ее хозяина и посетителей, повлек за собой ряд преобразований, о которых следует рассказать. Мы видим это как нудное перечисление административных актов реорганизации работы заведения.

Кого-то уволили с выходным пособием, кого-то без выходного пособия, но со штрафом, кого-то без штрафа, но с выходным пособием. Уволили в общей сложности большую часть персонала. В реорганизованном варианте Бутербродной места им не нашлось. Все эти люди, скажем честно, они и сами не особо хотели оставаться там работать. Некоторые хотели, а некоторые нет, но большинство все-таки не хотело ни работать, ни оставаться в тех местах, и с радостью покинуло эти места, как только их уволили. С выходными пособиями, со штрафами, кто-то с пособиями без штрафов, кто-то со штрафами без пособий, кто-то и с тем, и с другим. Можно перебрать все возможные варианты, сейчас этого сделано не будет, важно другое – важно, что все эти люди покинули, наконец, те места с пособиями, или со штрафами, или без чего-то одного, или без обоих, но обязательно уволенные, и это их сплотило.

Проснувшись следующим утром, они покинули Бутербродную, и никогда их там больше не видели.

Что же касается оставшихся, этих сосунков, везунчиков, родившихся в рубашках, о них ничего вразумительного пока сказать нельзя. Хотя кое-что все-таки можно. Это люди довольно унылого вида с посредственными умственными способностями. Не все, конечно, но большая часть.

Их всех обязали бросить курить.

Единственного ослушавшегося велено было выпороть на глазах у персонала в помещении реорганизованной Бутербродной. Чистое просторное светлое

пространство старой Бутербродной кануло в лету, поэтому пороли послушавшегося, так и не выплюнувшего сигарету, в грязном, скученном, темном пространстве реорганизованной Бутербродной.

Чтобы каждый, оставшийся в подчинении у месье Жлобеля, хозяина Бутербродной, понял, несмотря на свои посредственные умственные способности, в чем заключается новая концепция работы заведения.

И все они, действительно, поняли. И даже выпоротый, хоть и не смог принять участие в последовавшем торжестве, все же бросил курить и поклялся работать в реорганизованной Бутербродной с учетом новой концепции, продемонстрированной чуть ранее с его непосредственным участием.

[4]

Итак, мы подошли к моменту, когда рассказывать о прошлом Бутербродной уже нечего, а ее будущее еще не наступило. Иными словами, мы во временном тупике.

Все решительно изменилось. План реорганизации, задуманный месье Жлобелем, осуществился за несколько дней. Там был единственный пункт – сделать так, чтобы посетители не задерживались в заведении подолгу, а быстрее уходили, освобождая столики. Или, что гораздо проще объяснить персоналу: сделать пребывание в Бутербродной как можно дискомфортнее, чтобы посетители без лишних разговоров, без раздумий и напоминаний сами устремлялись к выходу, забыв о еде и деньгах, чтобы в этом аду под названием Бутербродная невозможно было находиться человеку в твердой памяти и здравом уме.

Что же было сделано, а, поверьте, сделано было не мало? Действительно, чем еще было занять шайку скудоумных лицедеев после праздничной попойки в честь задуманных перемен, неугомонную шпану, раз-

воровавшую бывшую Бутербродную в угоду теперешней, людей, все растерявших, загадивших, поломавших, толпе непривычных к труду неумех, каким аргументом можно было заткнуть их кривляющиеся рты под дешевой помадой, каким заданием отправить на грязную работу вроде мытья полов или потрошения животных?

Впрочем, все это не относилось к оставшимся работникам. Эти не сделали ничего плохого. Не успели. Им мало что доверяли в бывшей Бутербродной, они почти ничем там не занимались, были на подхвате, и поэтому не успели ни до чего дотянуться, ни одной пакости не сделали, ничего не треснуло в их руках, не выскользнуло, не смогли даже обварить кого-нибудь кипятком или прищемить дверью, нет, зато все время, пока работала старая Бутербродная, этим занимались другие, старые работники, которых уволили и они вынуждены были покинуть те места, чтобы искупить свою вину и вырваться из того ада, ада настолько смехотворного, микроскопического, иллюзорного, совершенно незаметного, что никто не обратил бы на их уход внимания, не вопи о нем на каждом углу оставшиеся работники.

И вот, бывшие лодыри, а теперь единственные работники Бутербродной, не имеющие никакого представления о том, чем им предстоит заниматься, приступили к выполнению плана реорганизации.

Первым делом избавились от столов. Эта изящная рухлядь с антикварного аукциона давно мозолила официантам глаза. Все было выброшено. Изголодавшиеся по работе люди поломали это дерьмо вместе со стульями, даже не донеся до свалки. А на освободившееся место поставили высокие стойки для едоков, предпочитающих оставаться на ногах, а не валяться на диванах.

Люстры с того же антикварного аукциона с мягким умиротворяющим светом незамедлительно присоединились к столам. Вместо них прикрутили яркие га-

логоновые лампы, осветившие помещение так, что любая тарелка, любая вилка, будь она на столе или на полу, всегда оставалась хорошо видна, чтобы клиент не портил зрение, пытаясь выяснить, где здесь цыпленок по-мексикански, а где взболтанный вручную голь-моголь, чтобы, даже выронив вилку, возможно, так и не отмытую от жира, посетитель не ползал часами на четвереньках и не просил официанта принести еще одну, потому что вилок и так впритык и ровно столько, чтобы хватило на посетителей, набейся они битком, чтоб эти мощные, хоть и уродливые, но кто смотрит на потолок, лампы осветили каждый кубический сантиметр зала, и даже если клиенту заблагорассудится обедать под столом, который к тому же накрыт не помещающейся на нем скатертью, чтобы даже там, в крошечной тьме, клиент мог все это разглядеть и не поднимать шум по случаю паштета из гусиной печени вместо горячего шоколада, потому что не смог разглядеть.

Закончив с лампами, работники совершили следующий трюк. Они сдвинули стойки, поставив их почти вплотную и так, чтобы те поместились на половине зала. Экономия налицо.

Стойки были перенесены к выходу, одновременно работавшему и на вход. Да так, без этого не могло обойтись, что едоки в непосредственной близости от дверей мешали входящим, а, возможно, даже не позволяли закрыть или открыть дверь, выпирая плечом, левым, правым или обоими сразу, или выпячивая колени, или ступню, или непомерно разросшийся живот, локти, руки, целиком или частями, или даже голову, откинувшуюся в приступе смеха.

Работникам было плевать на это. В совершенстве владея планом реорганизации, они знали, на что идут.

Там же разместили барную стойку. Места хватило впритык. Ровно столько, чтобы средней комплекции мужчины могли окружить столы и, прижавшись к ним грудью, неподвижно стоять. От перемещений

пришлось категорически отказаться. То есть, перемещения не стали совсем невозможны, но, например, чтобы пройти от столика номер семь к барной стойке, между которыми стояли столики пять и двенадцать, следовало гнать с них посетителей в том же направлении, освобождая себе дорогу, и была пара альтернатив, где этим людям рассосаться. Им можно было уйти в сторону свободной половины, выталкивая людей со столиков пятнадцать, девятнадцать и четыре, а можно в сторону выхода, занимая места у столиков семь и двадцать два. И здесь снова оказывалась пара альтернатив: сгоняемые со своих столов едоки могли так никуда и не приткнуться, оставшись в свободной половине или на улице, но могли и приткнуться, двигаясь таким образом, чтобы проталкивать дальше еще кого-то, стараясь держаться подальше от зон без столиков - пустой половины и улицы.

Здесь важно отметить, что столики не были закреплены за конкретными посетителями, иначе перемещение стало бы совсем невозможным. Поэтому в определенный момент человек просто хватал свои тарелки и, встроенный в вереницу таких же бедолаг, тащился по лабиринту от столиков к барной стойке или от барной стойки к столикам, пока его не вышвыривало на свободное место, где он мог снова поставить тарелки и продолжить есть.

К описанной модели работники пришли интуитивно, не было произведено ни одного расчета, не поставлено ни одного опыта. Работники даже считали, что вряд ли им удастся воплотить это в жизнь, наоборот, они считали это утопией. Но могло ведь оказаться и не утопией, на что и была сделана ставка. Победил самый нелепый вариант.

Как же поступили с освободившейся половиной помещения? Неужели эти кошмарные преобразования делались только затем, чтобы она осталась свободной?

Конечно, нет.

В освободившейся половине, в дальнем от входа углу устроили гардероб. Скорее, даже не гардероб, сложно подобрать точное выражение. Можно сказать, это была приколоченная к стене доска, из которой торчали гвозди-вешалки.

Предполагалось, что попав в Бутербродную, посетитель протискивался бы между столиками, запуская в движение вереницы и без того постоянно толкающихся едоков, и в какой-то момент оказывался у гардероба, где в спокойной обстановке без нервотрепки мог сдать верхнюю одежду, стоять в которой прижатым к столу и постоянно перемещаться с места на место просто не смог бы, а, может, и смог, но уходить в такие дебри не осталось никаких сил, лучше в следующей главе расскажем про туалет.

[5]

Удобный момент, чтобы представить работников Бутербродной. Их пятеро: четыре женщины и мужчина: миссис Сплюснутая, пани Черепеха, сеньора Добрита, мадам Кашалот и Марио.

Впрочем, разделение на мужчин и женщин довольно условное: барахло, отнесенное к женщинам, не обладало ничем, что отличало бы его от мужчин. Это были унылого вида замарахи с надтреснутым голосом спивающихся подростков. На общем фоне выделялась разве что сеньора Добрита – единственная, в ком присутствовали грация и чистоплотность.

У остальных не было и этого.

Вспомнили про туалет. В бывшей Бутербродной туалета, как такового, не было. Точнее, его не было в помещении Бутербродной, но был сарайчик во дворе. Посетитель, почувствовав что-то, требующее выхода, долго не тянул, понимая, что это дорога в никуда, можно лишиться последнего уважения, он поднимался с изящного кресла, покидал компанию по антиквар-

ному столику, и, извинившись передо всеми, направлялся к выходу, где швейцар открывал перед самым его носом дверь, чтобы впотьмах искать сарайчик, залезть в него, ободрав одежду о торчащие гвозди, справиться нужду, не обнаружить ничего, что сгодилось бы подтереть зад, отчаяться, убраться обратно, присоединиться к своей компании и остаток вечера шумно втягивать ноздрями воздух, опасаясь учуять худшее.

Таковы реалии бывшей Бутербродной. В новой Бутербродной все обстояло иначе. Новая Бутербродная стала продуктом изнурительного труда оставшихся работников и плана реорганизации месье Жлобеля. В ней не осталось места сарайчику на задворках.

Поэтому между стойками и гардеробом поставили туалет. Миниатюрную туалетную комнату, скорее, даже не комнату, а уличную кабинку, впотьмах, чтобы никто не видел, приволоченную в Бутербродную. Стало не нужным выходить на улицу даже по нужде, все необходимое уже присутствовало внутри.

Но и на этом не остановились. Вспомнив о нелегком положении едоков, вынужденных перебираться с места на место по каждому поводу, работники придумали следующую вещь. На манер канав нечистот сделали углубления в полу и заключили по периметру помещения в эти траншеи. А затем соединили с утилизационным баком в туалете. Потом проделали отверстия в стене, чтобы нечистоты могли покидать Бутербродную в любой момент. Это позволило сэкономить на вывозе отходов. Экскременты сливались во двор, где уж точно никому не помешали бы.

А посетитель, находясь он за столиком у такой канавы, мог больше не думать об изнурительных походах по туалетам. Достаточно было расстегнуть ширинку, в крайнем случае приспустить брюки и вытряхнуть в канаву все, что считал нужным. Такого удобства не было ни в одном заведении.

Канавами и закончили преобразования Бутербродной.

Мы намеренно не рассказали ни о чем, кроме как о зале, в котором только и делают, что раздеваются, испражняются и едят. Но всему свое время. Расскажем и о кухне, и о комнате персонала, и о кабинете месье Жлобеля. Дочитайте хотя бы до этого места.

[6]

Честно говоря, все эти разговоры о нескончаемом потоке голодных, озлобленных, задохшихся в жаровне Бутербродной, посетителей порядком надоели.

Мало того, что большая часть сказанного – бесовское вранье и преувеличение, так еще фокус внимания смещен на темы, которые за столом не поднимают. Не всем приятно слушать о канавах нечистот, в которые срут, не переставая жевать.

Уму непостижимо, зачем мы об этом рассказали.

Поговорим о чем-нибудь еще.

Основу блюд составили замороженные полуфабрикаты. Большею частью мясные: котлеты, шницели, зразы, бифштексы и прочая мертвечина. Продукты покупалось в магазине просроченных товаров. Всем занимался Марио.

Стоит рассказать о нем чуть подробнее, особое внимание уделив функциональным возможностям.

Первое: рост чуть меньше 120 сантиметров в холке. Рост целиком, или длина тела от пяток до темечка - 150 сантиметров - мало о чем говорит, так как огромная голова только усугубляет визуальный дефект. Ведь Марио - карлик.

Второе: руки, которых, можно считать, и нет. Есть две культи, оставшиеся после операции. Ни кистей, ни, тем более, ладоней.

Третье: короткие ноги. Примерно 40 сантиметров в длину, то есть как голени у среднесложенного мужчины. Собственно, это и есть голени, потому что ноги Марио не сгибаются в коленях, которых вроде как и

нет. К тому же мышцы, с этим не поспоришь, мышцы на ногах Марио больше похожи на икроножные, чем на бедренные или какие-то еще.

Таким образом, говоря о Марио, мы имеем в виду обычный мужской торс, из которого торчат обрубки рук сантиметров по пятнадцать каждый, пара сорокасантиметровых голенищ и огромная, непропорциональная телу, голова. Одним словом, мы говорим об уроде.

Перейдем к деталям.

Четвертое: в углах рта у Марио кровоточат никогда не заживающие болячки. Чем их только не мазали подавальщицы, но все без толку, никаких изменений.

Пятое: вши.

Шестое: несколько залысин.

Седьмое: не гнущиеся, изъеденные грибок пальцы на ногах.

Восьмое: с одной стороны рта поверх нижней губы у карлика торчит клык.

Пожалуй, все.

[7]

Однако, вернемся к меню и пополнению запасов продовольствия. Как уже было сказано, пополнением занимался Марио. За спину ему вешали огромный походный рюкзак, обрубков рук как раз хватало, чтобы тот держался. И отправляли на другой конец города в магазин просроченных продуктов.

Есть еще одна немаловажная деталь. Рост Марио в холке зависел от погоды и времени суток. Наибольшее значение достигалось к полуночи при сырой и ветреной погоде. Однако, из-за слабого здоровья Марио не всегда мог путешествовать в это время. Сырость моментально вызывала насморк, а ветер – стук в ушах.

Поэтому Марио жертвовал благоприятнейшими для роста часом и погодой и уходил за продуктами ближе к рассвету, когда ветер стихал, а сырость уже не так волновала его отоларингологическую систему.

Обычно, правда, ему не давали такой возможности и, не дожидаясь улучшения погоды, отправляли в магазин. Что было более чем странным, потому что речь шла о нескольких сантиметрах: при благоприятных условиях рост Марио составлял сто девятнадцать сантиметров в холке, а при неблагоприятных – сто шестнадцать.

Зато бывало, что и не отправляли.

[8]

Месье Жлобель обычно распорядился снарядить Марио к полуночи, в это время холка работника парила высоко, и пинком под зад выдворить из Бутербродной с рюкзаком за спиной.

Марио бежал со всех ног, одинаково коротких и слабых, на другой конец города. Транспорт он не пользовался, там его всегда принимали за калеку-попрошайку, которым он работал до Бутербродной, возвращаться к прежнему занятию не хотел. А зайти он в метро, пришлось бы: расточительные пассажиры так любили его, что заваливали обедками и мелочью, наполняя карманы, запазуху и рюкзак, приготовленный для полуфабрикатов.

Марио всегда злился из-за чужой навязчивости, но, будучи невероятно косноязычным, даже не брался объяснять, что не нуждается в деньгах. Карлик бессловесно принимал пожертвования, пока его не ловила милиция или настоящие попрошайки, которых он боялся до кровотечения из культи.

Поэтому Марио не пользовался общественным транспортом. Более того, он старался не останавливаться на улице, иначе его и здесь принимали за нище-

го, побирающегося у светофора или толпы на обочине.

Ему повезло, что, если не брать в расчет погоду, высота холки достигала наибольшего значения именно в полночь, когда можно было перебежать улицы хоть на красный свет, не опасаясь быть сбитым нагловатым водителем.

Не повезло в другом. Огромная нагрузка на короткие ноги, перемещавшие тело быстро и без остановок, к тому же на обратном пути прибавлялся вес битком набитого рюкзака, сущий ад, после таких вылазок ноги распухали, увеличиваясь в объёме минимум в три раза, под кожей проступали толстые красно-синие вены, и, самое главное, подошвы стачивались от безостановочной беготни, и с каждым разом ноги становились все короче, Марио с ужасом ожидал дня, когда лишится ног окончательно.

Официантки жалели его как ребенка, которого ни у кого из них не было. Да и Марио годился им в отцы. И все равно карлика опекали и после его вылазок мазали больные ноги мазями, каждый раз новыми, которые провоцировали жуткую, ничем не заглушаемую боль, длящуюся неделю, а то и две.

Марио терпел, он вынужден был терпеть, потому что знал, несмотря ни на какую жалость, ни на какое притворство озабоченных его здоровьем официанток, ни одна из них никогда не согласится выполнить его работу хотя бы один раз, сегодня. Все об этом знали.

[9]

Марио ненавидел официанток, всех скопом и каждую отдельно, официантки ненавидели Марио и друг друга, каждая ненавидела Марио и всех официанток, кроме себя, каждая другая официантка ненавидела Марио и остальных, включая первую, кроме себя, каждая еще одна ненавидела Марио и всех официан-

ток, включая первую и вторую, кроме себя, и так до бесконечности или, для наглядности, миссис Сплюснутая ненавидела Марио и всех официанток, кроме себя, то есть, пани Черепяху, сеньору Добриту и мадам Кашалот, пани Черепяха ненавидела Марио и всех официанток, включая миссис Сплюснутую, кроме себя, то есть, миссис Сплюснутую, сеньору Добриту и мадам Кашалот, и так далее до бесконечности, до еще большей наглядности.

[10]

Однажды по распоряжению месье Жлобеля Марио подвергли наказанию. Сейчас уже не вспомнить за что. Важно не это. Важно, что он был заточен на кухне, где уже несколько часов сидел скрюченный под раковиной.

Короткие ноги Марио погоды не делали. Отсутствие коленей не позволяло хоть как-то их согнуть. И все равно Марио согнул свои ноги. Благодаря превосходной природной гибкости, он выпятил их дугой под таким углом, что случайный зритель упал бы в обморок.

Собственно, что еще сказать? Скрючившись в три погибели благодаря ватному туловищу, Марио спокойно помещался под раковиной. Вопросов не возникало. Но он захотел упрочить свое положение, для чего решил склонить голову на бок, прислонив, например, левую щеку к левому плечу или, например, правую щеку к правому плечу или, например, левую щеку к правому плечу или, например, правую щеку к левому плечу, иными словами, еще больше ограничить свою высоту.

Но этот трюк Марио не удался. Дело в том, что у него не было шеи. Голова вращалась по часовой стрелке, против часовой стрелки, но не отклонялась вперед, назад, вправо и влево. Хорошей моделью та-

кого устройства является автомобильный руль, который наделен всей подвижностью головы Марио в той же степени, в которой обделен остальным.

До Марио, до его мандариновой головы эта мысль так и не дошла, и он промучился под раковиной, скрюченный, пытаясь наклонить голову, шесть часов кряду. Пока месье Жлобель не дал распоряжение вытащить его из-под раковины и снарядить в магазин за полуфабрикатами. Потому что наступала полночь и Бутербродная нуждалась в продуктах, а обеды, как их ни экономили, все равно закончились.

Марио выскочил из-под раковины, как только открылась дверца. Одним махом – и он снова на свободе, возбужденно размахивает кулечками, на которые тут же набрасывают рюкзак и по традиции пинком под зад выталкивают на улицу.

Что происходило после, можно угадать до секунды, оставим это кретинам. Интересно другое. Пока наш друг отбывал наказание, через форточку на кухню залетела птица с карикатурно маленькими крыльями, телом и головой, но с большим, просто огромным для такой мелюзги клювом, которым птица издавала звуки, похожие на человеческую речь.

Ошибка Марио заключалась в том, что он постоянно высовывал голову из-под раковины. Никак не мог понять, что с ней делать. Потому что все попытки прижать голову к плечу никак не отражались на занимаемом пространстве.

Влетевшая на кухню птица заметила постоянно открывающуюся дверцу под раковиной. Марио придерживался графика 5:25: пять секунд голова снаружи и двадцать пять секунд внутри. Поэтому дверца постоянно скрипела и хлопала. Эти звуки, которых легко можно было избежать, едва не довели птицу до помешательства.

Она села на раковину и, когда Марио в очередной раз высунул голову, клюнула в темечко, рассчитывая, что после этого он перестанет ей докучать. Но

Марио этого не понял. Он недоумевал, что произошло с темечком, когда оно высунулось из-под раковины, и испугался, что это повторится и под раковинной.

Поэтому карлик перешел с графика 5:25 на график 5:10: пять секунд голова снаружи и десять секунд внутри. Это привело к тому, что дверца стала скрипеть восемь раз в минуту вместо четырех, стучать четыре раза вместо двух, а птица, в свою очередь, клевала Марио четыре раза в минуту вместо двух.

На скрежет, грохот и стук клюва прибежали официантки-подавальщицы - миссис Сплюснутая и пани Черепаха. Они встали в дверях и наблюдали за происходящим.

Так прошло несколько минут, за которые петли восемнадцать раз скрипнули, дверца девять раз хлопнула, а Марио девять раз получил здоровенным клювом, из-за чего в области темечка образовалась дыра, в которую он незамедлительно засунул указательный палец.

Пришла мадам Кашалот. Протиснувшись между коллегами, она подошла к раковине с намерением как можно сильнее ударить коленом в лоб Марио, когда тот в очередной раз высунется. И что-то сработало в голове курьера, возможно, интуиция или предчувствие страданий, но он перестал показываться из-под раковины, просидев оставшееся время неподвижно.

Когда Марио выпустили и отправили за полуфабрикатами, птица полетела следом. Она сопровождала посланца всю дорогу, следила, чтоб его не надули с количеством котлет, как часто случалось.

Экономя время, Марио не снимал рюкзак, когда загружали продукты, а только вертел головой, пытаясь проследить за укладчиком. Теперь же, когда с Марио была птица, отпала необходимость вертеть головой, вместо этого можно было немного поспать перед изнурительной ночной сменой.

Курьер прислонился плечом к стене, уцепился за занавеску и заснул.

[11]

Но мы отвлеклись, заговорившись о карлике. Все из-за жажды повествования. Хоть карлик и не имеет никакого значения для нашего рассказа, мы все равно написали о нем. Хорошо хоть, не очень много.

Теперь же вернемся к Бутербродной.

Прежде, чем наказали Марио, прежде, чем он оказался под раковиной, произошло одно важное событие, не рассказать о котором было бы свинством с нашей стороны.

После закрытия заведения, но еще до его открытия, или на жаргоне официанток, в ночную смену, кто-то постучал в дверь. Первой услышала стук пани Черепеха.

В этот момент она убирала со столов посуду, снимала скатерти, стряхивала крошки и с помощью большой тряпки, полученной специально для этих нужд, боролась со следами подтеков вина, супа, коктейлей на основе абсента, въедающихся навечно, пота, сальных рук, следов ботинок, крови, растительного, подсолнечного и машинного масел, разбавленных в соке сигаретного ментола, соуса, горчицы, желудочного сока и туалетной воды с ароматом плесени. Пани Черепеха всеми этими подтеками и следами занималась, когда услышала или только подумала, что услышала, или ей показалось, что она только подумала, что услышала, а на самом деле, действительно, услышала, потому что, посмотрев на дверь, вроде бы увидела какие-то тени то ли людей, то ли не людей, потому что люди могли постучать в дверь, но с той же вероятностью кто-то еще или что-то еще тоже могло стукнуться о дверь целенаправленно или случайно, может быть, даже изначально случайно, просто задев ее, но потом им или ему пришла в голову мысль и они или он целенаправленно или случайно ушли восвояси или, наобо-

рот, остались, но даже если их не было, что-то все же привлекло внимание пани Черепахи и стоило, наверно, пойти посмотреть, что это было и было ли вообще, стучал кто-нибудь или что-нибудь или их было сразу несколько человек или предметов, ударившихся о дверь, едва ни выломав ее, все-таки нужно было идти.

Весь этот ворох мыслей пронесся в голове пани, она прекратила свое занятие, когда отскребала чьи-то сопли, прилипшие к нижней поверхности стола, и застыла. В таком состоянии Черепаха провела несколько минут.

В зал зашла мадам Кашалот.

- Что встала как дерьмо в толчке? Дело надо делать.

Мадам Кашалот побагровела от возмущения, но пани Черепаха осталась неподвижна. Тогда Кашалот двинулась в ее сторону, распаяясь с каждым шагом так, что к достижению Черепахи, когда до той можно было дотянуться рукой, со всей силы влепила ей пощечину, от лязга ладони по морде задребезжали стекла.

- Что ты стоишь? - проорала ей на ухо Кашалот.

Пани Черепаха вышла, наконец, из оцепенения. Она решила рассказать о произошедшем пять минут назад.

- Я выполняла свою работу по уборке посуды, - начала она, - снятию скатертей, стряхиванию крошек и борьбе с помощью большой тряпки, полученной специально для этих нужд, боролась со следами подтеков вина, супа, коктейлей на основе абсента, въедающихся навечно, пота, сальных рук, следов ботинок, крови, растительного, подсолнечного и машинного масел, разбавленных в соке сигаретного ментола, соуса, горчицы, желудочного сока и туалетной воды с ароматом плесни, я всеми этими подтеками и следами занималась, когда услышала или только подумала, что услышала, или мне показалось, что я только подумала, что услышала, а на самом деле, действительно, услы-

шала, потому что, посмотрев на дверь, вроде бы увидела какие-то тени то ли людей, то ли не людей, потому что люди могли постучать в дверь, но с той же вероятностью кто-то еще или что-то еще тоже могло стукнуться о дверь целенаправленно или случайно, может быть, даже изначально случайно, просто задев ее, но потом им или ему пришла в голову мысль и они или он целенаправленно или случайно стучали, после чего ушли восвояси или наоборот остались, но даже если их не было, что-то все же привлекло мое внимание и стоило, наверно, пойти посмотреть, что это было и было ли вообще, стучал ли кто-нибудь или что-нибудь или их было сразу несколько человек или предметов, ударившихся о дверь, едва ни выломав ее, все-таки нужно было идти.

Мадам Кашалот залепила пани Черепaxe пощечину по второй щеке.

- Что ты несешь? - от ярости Кашалот заскрежетала зубами, - скажи нормально, что произошло.

В ответ она не услышала ничего. Только тишину, пустую беспросветную тишину, как поэтично.

И вдруг, словно взрыв снаряда в школьном дворе:

- Стучали, - проорала пани Черепaxa, закрыв ладонями раскрасневшиеся щеки.

- Дерьма кусок, - Кашалот прошла от Черепaxи к барной стойке, от возбуждения переворачивая столы, налила себе абсента в пивную кружку и двинулась обратно.

- Дерьма кусок, - повторила она, парой глотков опорожняя стакан в себя. - Кто стучал? Зачем? Сколько их было? - она обернулась и посмотрела на дверь, за которой, действительно, двигалось несколько теней, похожих на человеческие.

- С рук тебе это не сойдет, - мадам Кашалот плеснула остатки абсента Черепaxe в лицо, который едва не выжег той глаза, и пошла открывать дверь.

Три поворота верхнего замка налево, затем один поворот направо и еще два налево, два быстрых поворота нижнего замка направо и один долгий налево, четыре поворота среднего замка в произвольную сторону, но молниеносно, затем несколько, два или пять поворотов верхнего замка в обе стороны поочередно, постепенно снижая скорость, потом снова средний замок, который крутится два поворота налево в обычном режиме, но одновременно нижний крутится раз направо и раз налево с той же скоростью, и уже в конце все три замка поворачиваются в произвольных направлениях девять раз с условием, что верхний и средний вращаются в одном направлении, средний при этом быстро, верхний неважно, с какой скоростью, а нижний замок крутится в другом направлении медленно и как можно неуклюже, обычно мадам Кашалот вращает его левой ногой, последним штрихом должна стать одновременная остановка всех механизмов, после чего в двери что-то скрежещет так, что мурашки по коже бегают, и дверь открывается.

Эту замысловатую систему придумал месье Жлобель. Уединившись ноябрьским вечером в кладовой с вином, он пробыл там несколько дней, после чего, израсходовав все вино, посвежевший, помолодевший, выбрался на свет с идеей замков.

Кстати, закрывалась дверь еще сложнее, чем открывалась. Поэтому покончим с этим рассказом. Он и так всем надоел.

[12]

Продолжим о работниках Бутербродной. Об их взаимоотношениях с входной дверью.

Мадам Кашалот справлялась с открытием двери лучше всех после месье Жлобеля, закрывала чуть хуже, в этом первенство было у миссис Сплюснутой, здесь следует сказать, что некоторые вообще не умели пользоваться дверью, тот же Марио, хотя и вынужден был постоянно мотаться за продуктами, техникой замков не владел, пани Черепаха умела закрывать, но не умела открывать, хотя, как уже говорилось, закрыть эти механизмы было гораздо сложнее, чем открыть, сеньора Добрита не умела ни того, ни другого, поэтому к двери не приближалась, сосредоточившись на других занятиях, однако иногда она все-таки оказывалась у двери, простаивая возле нее по несколько часов, после которых могла открыть замки или наоборот закрыть, но могла и не закрыть и не открыть, то есть, простоять все это время впустую, а это явный талант.

Когда об ее таланте узнал месье Жлобель, он сразу же сделал сеньору Добриту заведующей, поставив над остальными работниками, включая и карлика Марио. Или можно написать так: когда об этом узнал месье Жлобель, он сразу же сделал сеньору Добриту заведующей, поставив ее над остальными работниками, а именно над миссис Сплюснутой, пани Черепахой, мадам Кашалот, включая даже карлика Марио. Это одно и то же.

[13]

Что же видит мадам Кашалот на пороге, открыв все замки? Она видит трех мужчин, описать которых можно так. Роста ниже среднего, чернявые невыразительные лица без каких-либо примет, если не считать грубоватые черты, коротконогие, брюхастые, с за-

пльвшими от пьянства и праздности глазами и синеватой перхотью, одетые в изношенные спецовки темно-желтого оттенка, хромые, с запахом перегара и дешевого табака, с нездоровыми лицами того же оттенка, что спецовки, с трясущимися руками и спадающими кольцами.

- Кто вы и что хотите в такое время? - выпаливает Кашалот.

Ей отвечает один из пришедших. От остальных его отличает разве что более темное по сравнению со спецовкой лицо, в то время как у его товарищей лица светлее спецовок.

- Я и мои коллеги, все мы вокзальные плотники, пришли к вам с другого конца города по приглашению карлика Марио, чтобы поменять окна.

Кашалот зевает, прячет пивную кружку в задний карман.

Приняв это за знак расположения, плотник продолжает.

- Вся работа делится на два этапа: снятие старых окон и установка новых. Наша цель – снять старые окна. После этого другая бригада сможет установить новые.

Мадам Кашалот закрывает пасть после зевка и приглашает мужчин пройти внутрь, где пришедшая в себя пани Черепаха моет столы.

- Чтобы приступить к работе, нам нужно узнать, где находятся окна, - говорит плотник.

Кашалот показывает единственное в Бутербродной окно, сунув в его сторону указательный палец. Но прежде, чем плотники успевают отойти на пару шагов, сблевывает им под ноги поллитра абсента.

- Не обращайтесь внимания, - успокаивает всех Кашалот и удаляется в служебное помещение, прихватив из бара бутылку текилы.

- Вот это баба, - произносит плотник, подталкивая подчиненных к окну.

Нескольких секунд хватает, чтобы выбить раму наружу, где она вдребезги разлетается на щепки и осколки стекла.

- Готово, - похлопывая одной рукой по другой и наоборот, подводит итог прораб. - Ждите другую бригаду, они вставят окно вместо вашей параша, которую мы только что демонтировали.

Пани Черепаха отрывается от соскребания собачьей шерсти и изображает кивок. Выходит хуже некуда, поэтому, отложив грязную тряпку, Черепаха тянет пальцами за уголки губ, растягивая их в подобии улыбки.

Неожиданная клоунада быстро надоедает плотникам.

- Проводите нас на улицу, без посторонней помощи мы все равно не выйдем.

В зал возвращается мадам Кашалот. Отпивая текилу из бутылки, она жестом велит пани Черепахе продолжать работу и сама берется проводить компанию до двери.

- Как скоро ждать другую бригаду? - спрашивает она, когда плотники оказываются на улице. - Как ни крути, сейчас не лето, можно дубу дать от такого мороза, а нам еще посетителей обслуживать.

- Не знаем, - плотники пожимают плечами, поглядывая друг на друга. - Никакой информации.

- Что ж, - машет рукой Кашалот, - спасибо, хоть старое окно выбили, будем надеяться, это ненадолго и скоро у нас будет тепло.

- Мне все равно, на что вы надеетесь, - говорит прораб. - До свидания.

Все прощаются. Едва держащаяся на ногах мадам Кашалот закрывает дверь на три замка, не сделав ни одной ошибки.

- Блестяще, - кричит в восторге пани Черепаха и пару раз хлопает в ладоши.

Мадам Кашалот кланяется, делает несколько глотков из бутылки и мертвецки пьяная валится под ближайший стол.

[14]

Следующий день был просто кошмарным. С самого утра в зал набилось невообразимое количество народу и все заказали одно и то же. Пришлось готовить сорок порций лягушачьей требухи в винном соусе.

Разбудили Марио и спешно отправили за продуктами. В самый час пик. С его-то ногами, не вылеченными с прошлого раза. Марио понесся на другой конец города, а миссис Сплюснутая приступила к готовке.

Провизии хватило ровно на две порции, которые тут же вынесли в зал и оставили на барной стойке, объявив, что самые нетерпеливые могут взять и их, зато те, кто готов подождать каких-нибудь три минуты, получают блюда поистине президентские, не в пример этому дерьму.

Разумеется, Сплюснутой никто не поверил. Снося все на пути, толкая друг друга, посетители рванули к барной стойке. Чудом удалось сохранить Бутербродную в целости.

Два старика, ближе всех стоявшие к барной стойке, первыми схватили тарелки. Через пару секунд они уже запихнули в себя всю пищу и суматошно жевали посреди развернувшегося конца света. Через полминуты их вышвырнули из Бутербродной, кто кулаками, а кто и ботинками пройдясь по отвратительным старческим физиономиям.

Пусть валяются на улице, упиваясь набитым брюхом, а мы будем ждать президентских блюд в сотни раз лучше этих, которых все равно больше нет.

Посетители разошлись по своим местам и погрузились в ожидание.

А страсти тем временем только накалялись. Подтверждая опасения мадам Кашалот, в дыру на месте выбитого окна вдувало морозный воздух и посетители без верхней одежды, а в верхней одежде они не помещались перед столиками, начали замерзать.

Сначала мерзли немногие, только оказавшиеся у самого окна. Минут через десять мерзнуть стали стоявшие рядом с первыми, у которых уже зуб на зуб не попадал. А еще через десять минут мерзли все в зале: кто-то только начинал мерзнуть, у кого-то зуб на зуб не попадал, а некоторые, самая малочисленная группа, стоящая у окна, с минуты на минуту готовились отдать концы.

Ситуация осложнялась еще и тем, что обещанная еда, после которой можно было надеть, наконец, оставленные в гардеробе куртки и смыться домой, так и не была приготовлена, потому что Марио успел отойти на сушильные метры и даже не догадывался, что творилось в оставленном заведении.

Время от времени в зал выходила миссис Сплюснутая предупредить, что приготовление блюд задерживается, но буквально через пару минут все вынесут. Ответом ей служила отменная брань доведенных до бешенства посетителей.

Появились первые жертвы. Несложно догадаться, кто ими оказался. Разумеется, компания за столиком у окна. Семейство, празднующее день рождения младшей дочери. Пара родителей, три красавицы-дочки и слепая бабушка на костылях. Жертвы обстоятельств омертвели, рухнув под столик почти одновременно.

[15]

Когда произошла трагедия, Марио продвинулся всего на несколько метров.

[16]

Вернемся на несколько часов назад.

Когда в Бутербродную вошли плотники, месье Жлобель спал в кровати матери, мадам Марисоль. Хозяин Бутербродной оказался там, потому что неделю назад мадам Марисоль сломала ногу, взбегая к себе на шестой этаж. Каких-то пять ступенек оставалось до двери и такой сюрприз.

Хруст кости слышит весь подъезд.

Но мадам Марисоль не валится с ног, даже если одна сломана. Мадам, как ни в чем не бывало, преодолевает оставшиеся пять ступенек и как вкопанная останавливается у двери. Нужно открыть замок, для чего женщина роется сначала в сумке, а потом во всех карманах. Но безуспешно. Она понимает, что забыла ключи на почтовом ящике, перебирая пришедшую корреспонденцию.

Мадам Марисоль спускается на первый этаж, хватается ключи и поднимается обратно. Ключ в замке, пара поворотов налево, один быстрый направо и еще семнадцать на предельной скорости снова налево, детище месье Жлобеля.

Первые симптомы травмы мадам Марисоль замечает спустя шесть дней. К тому времени нога становится коричневой, распухает, а так как это открытый, а не закрытый перелом, торчащий из ноги обломок кости цепляет любые колготки, какие мадам Марисоль ни надевает.

Первым делом она звонит сыну. Месье Жлобель бросает дела в Бутербродной, тем более, делать ему совершенно нечего, и выезжает к матери. Он не сразу понимает, что торчит у нее из ноги и почему та такого оттенка.

С пару часов Жлобель крутится вокруг ноги, подходя к ней то с одной стороны, то с другой, то переша-

гивая через другую ногу мадам Марисоль, а то и в прыжке перепрыгивая мадам целиком.

Ближе к ночи сына посещает мысль обратиться к специалистам, и тут же, буквально по телефону, он вызывает врачей.

Дальнейшее не нуждается в подробностях, отметим только самое главное.

Мадам Марисоль госпитализируют, врачи ставят диагноз: гангрена. Решают тут же ампутировать ногу, но вмешивается месье Жлобель.

Он не может оставить мать одну, он хочет непременно сидеть рядом и наблюдать за врачами. Но одно обстоятельство этому мешает: у Жлобеля слипаются глаза, ему нужно поспать.

- Оперировать будете утром, - говорит он врачам и выбегает из приемного покоя.

Месье Жлобель решает спать в кровати матери, потому что она ближе к больнице, чем его кровать в Бутербродной. Рационалист до мозга костей.

Он спит очень долго, не меньше двенадцати часов. Пропускает первый автобус, открытие метро и открытие Бутербродной. Месье Жлобель поднимается с кровати одновременно с падением под столик замерзшей семьи, ждущей заказ в его заведении.

Жлобель идет в ванную комнату, умывается, чистит зубы, быстро перекусывает тем, что находит в холодильнике, какой-то жуткой хренотенью для нищих старух, и отправляется в больницу.

Прекрасная солнечная погода и не слишком холодно. Месье Жлобелю хочется пройтись до больницы пешком.

Когда он появляется в приемном покое, медсестры мечутся из угла в угол, доктора нервничают с испариной на лбу.

- Наконец-то, - выпаливает один из них, увидев Жлобеля в коридоре. – За ночь гангрена расползлась по всей ноге, придется ампутировать целиком.

Месье Жлобель пожимает плечами.

- Действуйте, как считаете нужным, - говорит он.
- Полноги или целая – какая разница.

Медсестры перекладывают мадам Марисоль в коляску и, выхватывая ручки друг у друга, увозят в операционную.

- Одну минуту, - вмешивается Жлобель. - Мне нужно еще кое-что уточнить, без меня не начинайте, - и пулей вылетает на улицу.

Ловит такси, называет адрес матери, через пять минут он на месте. Поднимается на шестой этаж. Вот он уже внутри, в руках сантиметр, который Жлобель поднимает над головой и измеряет длину антресолей между прихожей и кухней.

Мужчина записывает результат в блокнот и выбегает из квартиры. Внизу его ждет та же машина с тем же водителем.

- Обратно, - рывкает он и таксист послушно возвращает машину к больнице.

Жлобель врывается в операционную с раскрытым блокнотом.

- Мы только вас и ждем, - приветствует его главный врач.

- Вот, - Жлобель протягивает доктору блокнот. - Это должно остаться от моей матери после ампутации.

Врачи и медсестры окружают их, пытаются увидеть, что написано в блокноте.

- Это в сантиметрах или в граммах? - интересуется главный врач.

У Жлобеля киснет мина.

- Обойдемся без ваших шуток.

Главный врач берет у месье сантиметр и измеряет длину женщины от макушки до низа живота.

- Как раз, - кричит он и подбегает к Жлобелю с намерением обнять его. – С точностью до миллиметра. Жлобель, вы гений, именно здесь и нужно резать.

- Но как быть со второй ногой? - спрашивает медсестра.

Главный врач в ожидании смотрит на месье Жлобеля.

- Режьте и вторую, - неряшливо бросает Жлобель. - Пусть это вас не беспокоит.

Доктора тут же пускают в дело инструменты и со скоростью пильщиков лишают мадам Марисоль обеих ног.

- Готово, - кричит главный врач, на выдохе сбрасывая халат. - Получилось превосходно.

Главный врач ищет глазами месье Жлобеля, но тот вышел из операционной в туалет.

- Все совпало, - воодушевленно говорит доктор, показывая медсестрам, чтоб увозили мадам.

- Так точно все просчитать, - восторженно орет он, оставшись один в операционной, - Гениально, как пеньюар Афродиты.

И падает замертво от переизбытка чувств.

[17]

А теперь снова перенесемся в Бутербродную.

Когда мадам Марисоль, все еще под наркозом, но уже без ног, вывезли из операционной, посетители в зале совсем распоясались и без стеснения требовали требуху в винном соусе. Тем временем Марио покрыл на коротких ножках порядочное расстояние, хотя и совершенный пустяк по сравнению со всем путем.

Посетители бесновались, предчувствовали, что скоро подохнут, все до единого, от мала до велика, кто раньше кто позже, заломив руки, вывернув шеи, выпучив глаза, скрючив ноги, на спине или на брюхе, улыбаясь, недоумевая, обливаясь потом, слюной, соплями или слезами, как-нибудь или кое-как, без разбору, через пять минут, минуту или пару секунд, если так ничего и не произойдет, рухнут и примерзнут к полу, женщинами и уже на них мужчинами, мужчинами и уже на них женщинами, детьми на женщинах, мужчи-

нами поверх детей вперемешку с женщинами, частично под детьми с притащенными сюда же кошками, небольшими собачками, своими или чужими, бездомными, выпрошенными или украденными у друзей или соседей, чтобы кто-нибудь составил им компанию.

Ужаснулись такой перспективе.

Чтобы согреться, люди начали кричать друг на друга, плевать на пол, толкаться, переворачивать столы, швыряться тарелками. Горы осколков дешевой, неудобной, бракованной посуды.

Откуда-нибудь доносился чей-то вопль, люди останавливались посмотреть на очередного беднягу с торчащим из лица осколком тарелки, а потом возвращались к крикам, плевкам, толчкам, крушению мебели и швырянию тарелок. Каждый волен изуродовать симпатичную мордашку, свою или чужую – без разницы, продырявить щеку, порвать ухо или лишить глаза, чем только ни занимались, дабы забыть про холод.

Грохот столов и звон бьющихся тарелок разбудили мадам Кашалот. Уснувшая несколько часов назад прямо в одежде, она и сейчас была в ней. Кашалот поднялась с головной болью после вчерашних возлияний, пива, абсента, текилы, черт знает чего еще, и немедленно отправилась в зал.

На кухне Кашалот обнаружила забившуюся под стол дрожащую миссис Сплюснутую.

- Сейчас они ворвутся сюда, - лепетала та. – Мадам, нам крышка.

Не проронив ни слова, Кашалот вышла из кухни и двинулась дальше.

Вот она и в зале. Не верит своим глазам. Столько труда понадобилось, чтобы привести в порядок помещение, столько сил угробить, наблюдая за бестолковой пани Черепахой, ничего не желающей делать без упреков и затрещин, и все насмарку, эти прожорливые кретины перебили все вокруг, исцарапали столы, елозя ими по полу, повсюду обломки, осколки, кровь, слюна, сопли, фекалии.

- Прекратите, - рявкнула мадам Кашалот, оглушив увлекшихся гостей поистине завораживающими возможностями голосовых связей.

Все замерли, только несколько доходят в углах зала стонали, готовые подохнуть с минуты на минуту.

- Мудаки, что вы здесь устроили? - закричала Кашалот, обводя Бутербродную взглядом.

Посетители не знали куда деться, стыдоба, готовы были под землю провалиться. Сплошь отцы семейств, достойные члены общества, чиновники префектуры, предприниматели, работники культуры и образования, кого только не было среди этого сброда с изрезанными лицами в изодранном рванье выходных костюмов.

- Нищоброды, клошары, прыщеды. Научитесь вести себя в приличном месте, а потом высовывайтесь – не наоборот, - не унималась мадам Кашалот.

Мужчины спешно застегивали одежду, по крайней мере те, у кого остались молнии или пуговицы. Женщины поправляли задранные юбки, съехавшее белье, булавками скрепляли порванную одежду, некоторые достали зеркальца и занялись макияжем, скрывая подтеки крови и набухшие гематомы.

[18]

Ярость мадам Кашалот пошла на убыль. Удивленная неожиданной тишиной, из кухни пришла миссис Сплюснутая.

Кашалот сразу же спросила ее, почему у посетителей нет еды, те как раз ставили столики и ногами сгребали мусор в небольшие кучки, которые затем заталкивали под очокурившихся товарищей.

- Или всю еду они побросали друг в друга? - добавила мадам Кашалот.

- Нет, - начала миссис Сплюснутая. - Без еды, потому что все заказали одно и то же - какую-то лягуша-

чью требуху в винном соусе, которой у нас отродясь никто не ел и запасов мы не держали.

- Где Марио? - рывкнула старшая, изменившись в лице.

- Я отправила его за лягушками.

- Ладно, - Кашалот снисходительно кивнула, и тут же, не прошло и секунды, вlepила миссис Сплюснutoй головосносящую пощечину.

Мадам вообще любила пощечины, заслуженные или беспричинные, сбивающие с ног или едва ощутимые, оглушительно звенящие или почти неслышные, размашистые или исподтишка, филигранно техничные или до тошноты неуклюжие, остервенело злые или почти любовные, картинные или неряшливые – мадам любила все виды пощечин.

Сплюснутая, рыдая, убежала в кухню, а мадам Кашалот повернулась к посетителям и объявила, что сейчас им принесут пищу. Со стороны посетителей послышалось недовольное ворчание, тут же вспомнили про дыру в стене, кто-то заговорил о морозе.

Старшая официантка посмотрела на дыру.

- Бессовестные фигляры, - чуть слышно прошипела она. - Говорили, что сделают, а сами ни черта не сделали. Теперь эти болваны будут мерзнуть и мычать как коровы.

Мадам Кашалот вышла из зала. Миссис Сплюснутая рыдала за столом, обхватив голову руками, но, как только Кашалот показалась в дверях, вскочила, уголками глаз вобрав слезы обратно.

- Приготовь заказы не из лягушачьей требухи, а из прикорма, - распорядилась Кашалот.

Следует сказать, что на жаргоне работников Бутербродной прикормом называли мясо животных, запрещенных к употреблению в пищу Санитарной службой. В основном это было мясо собак, кошек и мышей.

Завсегдатаи без труда определили бы нарушение, подай, например, шницель из кошатины, и тут же за-

явили бы в Санитарную службу. А со шницелем из кошатины, которая всю жизнь питалась мышатиной пришлось бы повозиться, сто раз подумать, прежде чем заявлять куда-нибудь. Потому что вкус кошатины совершенно не похож на вкус кошатины, всю жизнь питавшейся мышатиной. Ничего общего.

Это - опытный факт, установленный месье Жлобелем, только что лишившим мать обеих ног и части туловища, и введенный им в обиход Бутербродной.

- Экономия набьет мои карманы монетами, - говорит Жлобель.

Сказав А, пройдемся уж по всему алфавиту. Мы имеем в виду сорта прикорма, которых ровно три. Градация по невыносимости вкуса.

Третий сорт – мышатина, всю жизнь питавшаяся другой мышатиной. Как обнаружилось, имеет мало общего с обычной мышатиной, хотя и тошнотворна до обморока.

Второй сорт – кошатина, всю жизнь питавшаяся мышатиной, всю жизнь питавшейся другой мышатиной. Гораздо съедобнее, но все равно не очень. До колики в желудке.

И первый сорт. Вкуснее среди прикорма ничего не придумали. Это собачатина, всю жизнь питавшаяся кошатиной, всю жизнь питавшейся мышатиной, всю жизнь питавшейся другой мышатиной. Пальчики оближете, а потом сдохнете.

[19]

Наконец-то. Озябшим доходягам выносят еду. Синеет на лицах они приступают. В левой руке вилка, в правой нож, или в левой руке нож, в правой вилка, или в правой руке вилка, в левой нож, или в правой руке нож, в левой вилка, опустим подробности.

Едва приведшие себя в порядок, в наспех заштопанном рванье, замаранные плевками, кровью и гря-

зью из-под ботинок только что с улицы, депутаты, профессора, коммерсанты, многодетные отцы с дурнушками-женами и крохотными, невзрачными, убогими, смердящими детьми, директора школ, адвокаты, члены местного самоуправления, весь этот галдящий зверинец оказывается вдруг перед тарелками с едой.

Каждый за своим столиком, прижатый сзади и с боков спинами и локтями соседей, а спереди столиком, как сардина в банке. От предвкушения из носа начинает идти кровь, одежда промокает холодным потом и обрастает ледяной коркой.

Но главное все же в другом. Главное уже стоит перед ними – горячая еда на обрывке газеты, потому что посуду всю перебили. Вилка и нож в руках. Можно приступать.

Многие и приступают. Под видом лягушачьей требухи в винном соусе в рот попадает прикорм, для отвода глаз запеченный в дешевом портвейне.

Блестяще приготовленные блюда: первосортная собачатина, всю жизнь питавшаяся кошатиной, всю жизнь питавшейся мышатиной, всю жизнь питавшейся другой мышатиной, второсортная кошатина, всю жизнь питавшаяся мышатиной, всю жизнь питавшейся другой мышатиной, третьесортная мышатина, всю жизнь питавшаяся другой мышатиной.

- Подавитесь своей жратвой, - миссис Сплюснутая швыряет порции в физиономии гостей и уже оттуда прикорм попадает на столы.

Что начинается. Вилки лязгают о ножи, ножи в считанные мгновения распиливают жесткое собачье, кошачье или мышье мясо, а вместе с ним обрывки газет и крышки столиков, беспрестанные тычки локтями, ругань, оглушительное жевание, вывихнутые челюсти, откусанные языки, смакование каждого кусочка, вымоченного в портвейне, годном разве что мыть ноги перед сном, алчные взгляды на соседские обрывки газет, жующие рты и чьи-нибудь полные благодарности глаза.

Под щелканье глоток в Бутербродной появляется месье Жлобель. С фальшивой улыбкой, напوماженными волосами, хорошо выспавшийся, удовлетворенный, в дорогом костюме под еще более дорогим пальто.

Жлобель заходит в зал и, насколько возможно, сторонясь посетителей, пробирается к барной стойке, оказавшись у нее, поворачивает на девяносто градусов, чтобы теперь идти вдоль бара, после чего, выбравшись из этого чавкающего сортира, исчезает в служебном помещении.

Хозяин Бутербродной заходит в свой кабинет, заваленный пустыми, почти пустыми, скорее пустыми, достаточно пустыми, полупустыми, никакими, наполовину полными, достаточно полными, скорее полными, почти полными и полными бутылками с разнообразным пойлом. И запирается.

[20]

Как видите, все хорошо закончилось. А как началось: дыра в стене, жуткий мороз, ярость посетителей, убийства, угрозы. И тем не менее. Есть нюансы, но что о них говорить. Расскажем только о двух.

Первый.

Когда подали пищу, юноша довольно привередливого вида не торопился запихать ее в рот, а некоторое время тыкал вилкой, оценивая качество блюда. Затем юноша подозвал официантку и сказал ей примерно следующее.

Он сказал:

- Миссис, прежде, чем сделать заказ в вашем заведении, я внимательно изучил меню. Я делаю так всегда. Меня заинтересовало блюдо под номером 47: лягушачья требуха в винном соусе. Затем из раздела примечаний я узнал, что в приготовлении мясных блюд, не отмеченных звездочкой, используются толь-

ко молодые животные. Я вернулся к позиции 47, звездочки не было. Из чего я заключил, что блюдо мне подходит. Я подозвал официантку, это были вы, и сделал заказ. Но теперь, когда блюдо здесь, меня волнует вопрос, кто подтвердит, насколько участвующие в приготовлении лягушки были молоды?

Миссис Сплюснутая плюнула ему в глаза.

И второй.

Когда подали пищу, старуха довольно привередливого вида не торопилась запихать ее в рот, а некоторое время тыкала вилкой, оценивая качество блюда. Затем старуха подозвала официантку и сказала ей примерно следующее.

Она сказала:

- Миссис, прежде, чем сделать заказ в вашем заведении, я внимательно изучила меню. Я делаю так всегда. Меня заинтересовало блюдо под номером 047: лягушачья требуха в винном соусе. Затем из раздела примечаний я узнала, что в приготовлении мясных блюд, не отмеченных звездочкой, используются только молодые животные. Я вернулась к позиции 047, звездочки не было. Из чего я заключила, что блюдо мне подходит. Я подозвала официантку, это были вы, и сделала заказ. Но теперь, когда блюдо здесь, меня волнует, почему от него несет как от моего супруга.

Миссис Сплюснутая ответила ей так.

Она сказала:

- Я уж не говорю, как несет от вас, мэм.

И тут же заплевала глаза старухи.

[21]

Давно не слышно о сеньоре Добрите. Где она? С кем? Зачем?

Вспомнили.

Любовная история. Замешаны двое: сеньора Добрита и карлик Марио. Какая неожиданность, обрубок способен на любовь. Смешнее не придумаешь.

Так вот, все происходило тайно. Добрита и Марио встречались пару раз в месяц, пока официантка не обезумела от таких отношений и не покинула Бутербродную навсегда.

Что же сделал Марио? Он не бросился ее разыскивать, не сообщил властям о пропавшем человеке, словом ни с кем не обмолвился. Не желал впутывать в отношения кого-то еще.

- Такова жизнь, - думал карлик с рюкзаком подтекающих полуфабрикатов за спиной.

Буквально через месяц после исчезновения, никто, кстати, так и не обратил на это внимания, Марио возвращался в Бутербродную. Как обычно его тянул к земле рюкзак, карлик хотел где-нибудь присесть, лучше даже прилечь. Он хотел есть, пить, ссать и любви.

Но курьеру удалось реализовать только одно желание. На горизонте маячило одинокое дерево, к которому он и устремился.

Через каких-то пять-десять-тридцать-девяносто минут, в темноте время течет незаметно, Марио уже стоял под деревом. Его внимание привлекли три предмета. Он поочередно помочился на каждый. А после того как застегнул ширинку, решил изучить, что это за предметы.

Ими оказались три мертвые вороны. Марио поднял одну и поднес к лицу, зрение у него ни к черту, только так и можно было увидеть подробности. Ворона как ворона: внешний вид, размер, густота перьев, плотность клюва, запах и вкус – все соответствовало общепринятым представлениям.

После первой вороны Марио изучил так же вторую и третью. Обе оказались идентичны первой. За исключением одного момента. В клюве третьей вороны карлик нашел записку.

Вернее, вначале он подумал, что это просто какая-то бумажка: обрывок газеты, салфетка или этикетка от бутылки, только развернув ее, Марио понял, что в правой руке он держит ворону, а в левой записку.

Предлагалось позвонить по одному телефону.

Подходя к Бутербродной, Марио понял, что речь идет о сеньоре Добрите. О чем еще могли рассказать по телефону.

Сдав продукты пани Черепaxe, расписавшись в ведомости, карлик отправился в свою комнату. Ему полагалось несколько часов отдыха. Марио хотел спать, но прежде решил позвонить по телефону из вороньего клюва.

Трубку взяла сеньора Добрита.

Марио представился.

На другом конце послышался голос. Голос принадлежал сеньоре Добрите.

Сеньора Добрита сказала Марио, что скучала по нему.

Марио сказал, что узнал ее голос.

Марио сказал, что нашел записку в клюве птицы.

Сеньора Добрита сказала, что хочет встретиться с Марио.

Сеньора Добрита сказала, что она скучала по нему.

Марио сказал, что очень хочет спать.

Марио сказал, что тоже хочет встретиться с мисс Добритой.

Марио сказал, что тоже скучал.

Сеньора Добрита сказала, что хочет встретиться сегодня в полдень на площади Канатоходцев.

Сеньора Добрита сказала, что целует Марио и сгорает от предчувствия его увидеть.

Марио сказал, что очень соскучился и очень хочет спать.

Марио сказал, что целует сеньору Добриту в разные места и отправляется спать.

Марио сказал, что в полдень ему никак не быть на площади Канатоходцев.

Марио бессвязно что-то пробубнил в трубку.

Марио сказал, что целует сеньору Добриту в разные места и очень хочет спать.

Марио сказал, что очень хочет спать и встретится с сеньорой Добритой на площади Канатоходцев.

Марио положил трубку.

Сеньора Добрита положила трубку.

[22]

Проснувшись, Марио первым делом посмотрел на часы. Имея пятнадцатисантиметровые культи вместо полноценных рук, он носил часы на ноге. Где еще ему было носить?

Оставалось два с половиной часа до встречи с сеньорой Добритой. Ровно столько, сколько понадобится на дорогу до площади Канатоходцев.

Марио вскочил с кровати, собственно, даже не вскочил, а еле поднялся: когда он лежал дольше десяти минут на одном боку, внутренности переваливались в ту половину, которой он касался лежанки, то есть половина туловища оставалась пустой. Из-за этой пустоты Марио и не мог вскочить, только с трудом подняться, скрепя костями, сжав зубы, шумно вдыхая воздух через обе ноздри. Да.

Итак, Марио все-таки поднимается с кровати. Вот он уже на ногах. Еще раз смотрит на часы, согнувшись в три погибели. Нужно идти.

Опустим рассказ о путешествии на площадь Канатоходцев.

Когда Марио пришел, сеньоры Добриты еще не было. Он двадцать минут топтался вокруг памятника Канатоходцам с глуповатой улыбкой предвкушения. Возлюбленная так и не появилась, когда сзади к нему

подошла незнакомая девушка. Ради условности назовем ее донной Хрикич.

Девушка провела рукой по плечу Марио, он обернулся все с той же улыбкой. Хрикич не смутилась. Сделав пару комплиментов, она рассказала, что покупает мужу куртку, но не знает ни размера, ни вообще ничего, а Марио так напоминает ее мужа, они почти не различимы, и она просит его пройти в магазин и примерить курточку.

Карлик, разумеется, отказался, объяснив это занятостью.

- Но как же так? - удивилась девушка. - Вы уже полчаса маетесь у памятника Канатоходцам, не зная, чем заняться.

- Это так, - согласился Марио, - просто я жду невесту, с минуты на минуту она должна прийти.

Тогда Хрикич предложила принести куртку из магазина, чтобы мерзкий карлик примерил ее, не сходя с места.

- Прямо здесь? Без зеркала? - заволновался Марио.

- А то, - ухмыльнулась донна Хрикич, - вам оно и не понадобится.

Марио вынужден был согласиться.

Девушка сразу же попросила и его куртку, утверждая, что это облегчит поиск нужного размера.

- Здесь так холодно, - сказал Марио.

- Я дам вам ватный платок!!! - успокоила его девушка.

Она сняла с себя огромный белый платок и накинула его на карличьи плечи. А потом вместе с курткой исчезла в магазине с краю площади.

Сеньора Добрита появилась только затем, чтобы увидеть возлюбленного в непотребном виде.

- Без букета, - подумала она. - Этот Марио, он как заноза в сердце, вечно с ним что-нибудь не так. А ведь я просила, намекала сотню раз, пока толстокожий карлик соизволил понять, о чем речь.

Доведшая себя до бешенства сеньора понеслась через всю площадь, чтобы влить возлюбленному олуху звонкую пощечину. Оглушительную. При всех.

Но ее опередила другая.

Рядом с олухом стала крутиться какая-то незнакомка. Они заулыбались друг другу, и сеньоре Добрите даже показалось, незаметно поцеловались. Так падал свет в тот момент.

Незнакомка сняла с олуха, ее жениха, нелепый платок и помогла надеть какой-то предмет одежды.

- Подарила ему новую куртку, - подумала Добрита.

Сердце бывшей официантки разорвалось на клочки. Ноги безвольно согнулись в коленях. И она как попало повалилась на асфальт.

Никто не обратил внимания. Только наемный работник, перевозящий цветы с места на место, посмотрел в сторону свалившейся вдруг сеньоры, чтобы не задеть тележкой. Переднее колесо нырнуло в выбоину, тележка наклонилась, с нее слетели вазы, и с ног до головы женщину окатило холодной водой.

Добрита села на асфальте, мокрая, с прилипшими к коже лепестками. А площадь сложилась пополам от хохота. Так смешно, даже наемный работник забыл про цветы и сам едва не взорвался от хохота.

По щеке сеньоры Добриты поползли слезы. Она смотрела на смеющихся Марио с донной Хрикич.

- Как глупо, - подумала она.

[23]

А теперь немного успокоимся.

Забудьте мешанину, которую вам сдабривали все это время, наберите больше воздуха в легкие и медленно досчитайте до двадцати пяти. Это - эксперимент, после которого вы окажетесь в комнате пани Че-

репахи, у которой, я имею в виду пани Черепаху, сегодня выходной.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать, двадцать один, двадцать два, двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять, вы в комнате Черепахи.

Крохотная, полтора на два метра, кладовка с низким потолком, едва хватает, чтобы сидеть на стуле, склонив голову над книгой. К счастью, Черепаха еще в молодости испортила зрение и читает, поднеся разворот вплотную к лицу.

Минимум мебели, только самое необходимое: половинка матраса, откидная полка, служащая столом, и пуфик на колесиках, используемый еще и в качестве шкафа, в нем пани Черепаха держит свои пожитки.

Комнатка освещается лампочкой, свисающей с потолка на коротком проводе, чтобы не занимать центр помещения. С лампочкой связана забавная история. Сейчас мы ее расскажем.

Однажды в гости к пани пришел Марио. Он был сильно голоден, потому что в те времена месье Жлобель практиковал наказание лишением пищи, в чем быстро разуверился: стали пропадать продукты.

Марио изворачивался как мог, намекая сотруднице, что неплохо бы выложить съестное на стол, даже если это откидная полка. Ничего не добившись, озлобленный до синевы на губах, разочарованный в пани, Марио решил на грубость.

Он стал в центр комнаты, для этого достаточно было просто встать с пуфика, поднялся на цыпочках и обхватил губами лампочку.

Разумеется, она тут же застряла у него во рту.

Не в силах что-либо сделать, Марио вынужден был стоять, приподнявшись, насколько это позволяли короткие ноги, можно сказать, до упора, с задранный головой и лампочкой во рту.

Это продлилось несколько часов, пока пани Черепаха бегала по Бутербродной, пытаясь найти кого-нибудь, кто мог бы ей помочь.

О происшествии узнал месье Жлобель. Исполненный любопытством, он незаметно подобрался к комнатке пани Черепахи, открыл дверь, рука инстинктивно нащупала выключатель. Жлобель нажал кнопку, мгновенная вспышка, Марио с выкатившимися от ужаса глазами вырвал лампочку вместе с патроном и выбежал из комнаты, грубо оттолкнув хозяина.

Уже после, когда его удалось поймать и кое-как привести в чувство, Марио отвезли в клинику, где студент-хирург вытащил из его рта посторонний предмет. Нехитрым движением студент вывихнул Марио челюсть, вынул лампочку и вправил челюсть обратно.

Всего-то. Но поясним, что стоит за этими словами: часы мучений, в течение которых пациенту был нанесен вред, меркнувший перед самой болезнью. Все из-за того, что студент-хирург неправильно запомнил, чему его учили, и сделал все неправильно, как бог на душу положил. Не будем об этом.

Однако, все хорошо закончилось. Заново родившегося Марио в предобморочном состоянии доставили в Бутербродную как раз к началу его смены. Миссис Сплюснутая окатила работника ведром воды, карлика наспех переодели (только верхнюю одежду), и ровно в полночь, как всегда и происходило, отправили за продуктами традиционным пинком по зад.

[24]

Пани Черепаха спит на половинке матраса, у нее есть еще полтора часа на это. А вы заглядываете в ее пуфик. Смотрите, что она в нем держит.

По сути, это полностью раскрывает человека, сдирает шелуху, ужимки, недоговорки, секреты, маки-

яж. Заглядывая в пуфик, вы видите человека насквозь. Таким, каким он и сам себя редко видит.

Что же вы находите в пуфике пани Черепахи?

А вот что.

Фотографии детства и юности, более поздние фотографии тоже присутствуют, но их гораздо меньше. Все вместе занимают шестую часть пуфика.

Коробочку с драгоценностями, которые Черепаха не носит, даже боится лишний раз вынуть. Иногда, когда у пани нет настроения, она открывает коробочку и проводит подушечками пальцев по украшениям, избавляясь от дурных мыслей. Драгоценности занимают десятую часть пуфика.

Кожаные сапоги, подаренные Черепахе. Негодные для носки, потому что на четыре размера меньше. Треть пуфика.

Чистый комплект нижнего белья. Всего комплектов два. Один на пани – грязный, и один здесь – чистый. Комплекты постоянно чередуются. Восьмая часть пуфика.

Два обломка музыкальной пластинки. Если их сложить нужным образом, получится целая пластинка. Сороковая часть пуфика.

Зимние перчатки, кожаные снаружи и меховые внутри. Одна двадцатая.

Оставшееся пространство занимают мандариновая кожура и шоколадные конфеты, которыми пани защищается от моли.

Пока пани Черепаха не проснулась, а у нее крохотный мочевого пузырь и беднягу кондрашка хватит, заметь она кого-нибудь в своей комнате, вернемся к жизни, досчитав до одного.

Двадцать пять, двадцать четыре, двадцать три, двадцать два, двадцать один, двадцать, девятнадцать, восемнадцать, семнадцать, шестнадцать, пятнадцать, четырнадцать, тринадцать, двенадцать, одиннадцать, десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, вернулись.

[25]

Продолжим, чем еще заниматься, в самом деле, мастурбация спасает только на некоторое время, потом все те же трудности, черканем еще пару страниц.

Хотелось бы подробнее рассказать о месяе Жлобеле. Этом беспардонном хаме, чудом выбившемся в люди. Человеке, не испытавшем в жизни ни одного разочарования. Его жизненный путь сопровождался сплошными победами.

Бутербродная – единственное, чем Жлобель занимался в течение тридцати четырех лет, и какой успех.

Человек легчайшей судьбы. Никогда ему не приходилось рано вставать, выкручиваться, выбирать из одинаково плохих или одинаково хороших вариантов, заниматься физическим трудом, улыбаться через силу, проявлять характер, спешить, плакать или голодать. Всего этого он с легкостью избежал.

Непринужденный вид – вот главное, в чем заключается обаяние Жлобеля.

Всегда свежее, удовлетворенное, дружелюбное лицо, ни намек на напряжение или тяжелую мысль, только улыбка олигофрена. В таком виде месяе скакал по жизни, пока к тридцати четырем годам не натолкнулся на следующее.

В жизнь месяе Жлобеля ворвался смысл – Жлобель влюбился.

Вероятно, это произошло, когда мадам Марисоль делали операцию, между ампутацией левой и правой ноги.

Лицо хозяина Бутербродной стало вдруг синеть, затем зеленеть, желтеть. Затем лицо Жлобеля стало чернеть, стало белеть, краснеть, затем снова зеленеть, розоветь, сереть, стало вдруг лиловеть, затем бирюзоветь, коричневеть и приняло еще массу оттенков, которые не стоит здесь перечислять, хотя какие-то все

же перечислим, правда, не сейчас, а когда займемся начинками блинов, обещанными ранее.

Что произошло с месье Жлобелем, из-за чего его физиономия стала менять цвет? Может быть, он кого-то увидел? Что-то увидел?

Нет.

Жлобель не увидел никого. И ничего. Решительно никого и ничего. В этом несложно убедиться, потому что в тот момент, когда лицо стало менять цвет, он находился в туалетной кабинке, в которой, кроме него, унитаза и рулона бумаги, ничего больше не помещалось.

Известно, что при мочеиспускании у месье дергался левый глаз. Вернее, глаз дергался все время, но при мочеиспускании достигался апогей интенсивности.

Также отметим, что левый глаз Жлобеля не являлся глазом в общеупотребимом значении. Это был, можно сказать, протез, вставленный сразу после рождения, потому что из чрева мадам Марисоль на свет вылез не обычный младенец, а младенец без одного глаза.

И вот, с протезом, едва не вываливающимся из глазницы, Жлобель влюбляется и меняет цвет лица, в чем, правда, не отдает себе отчета. Что забавно, предметом вожделения становится карлик Марио, которого Жлобель видел пару раз за всю жизнь. Но именно образ невзрачного Марио всплыл в памяти Жлобеля, когда он мочился в унитаз.

Такое с месье случилось впервые.

[26]

Как известно, после операции мадам Марисоль, Жлобель вернулся в Бутербродную. После чего заперся в своем кабинете с запасом вина и пробыл там до полудня следующего дня.

Как же развернулись события после того, как Жлобель вышел наружу? Встретился ли он с карликом? Добился ли ответных чувств?

Нет.

Нет.

Но нет и нет - не в смысле не встретился и не добился, это нелепо в таком крохотном заведении, а нет и нет - в смысле не все развивается так быстро, как нам бы хотелось.

Придется смириться и подождать.

Потому что когда Жлобель покинул кабинет, Марио еще не вернулся из продуктового ларька, что несколько странно, ведь обычно он возвращался через восемь часов, именно столько требовалось на дорогу туда и обратно.

Но месье Жлобель и не собирался встречаться с Марио. Он даже не знал, кто это такой. Не всех работников хозяин знает в лицо. Месье влюбился в образ, всплывший перед унитазом, не обязательно было знать, чей это образ.

Жлобель вышел на улицу подышать свежим воздухом. Время от времени он так делал, потому что в Бутербродной всегда чем-нибудь воняло: блинами, пирогами, пирожками, тортами, несвежей рыбой, лягушачьей требухой, арбузными корками, бутербродами, супом, кашей, спермой, косметикой, гнилым бельем и особенно чьей-нибудь обувью.

Впервые в жизни на глазах Жлобеля распустился цветок. Это был подснежник, показавшийся из помоев.

- Зима уступает место весне, - подумал месье.

Жлобель обернулся, не смотрят ли на него. И убедившись, что он один, упал на колени вдохнуть аромат цветка. Но подснежник ничем не пах. Это немного разочаровало Жлобеля, но он все равно сорвал первоцвет в расчете подарить возлюбленному, если когда-нибудь его встретит.

- Лишь бы это произошло, когда маман хоть немного оклемается, - Жлобель мечтательно задрал голову и уперся взглядом в небо.

Страдать от двух столь сильных переживаний, любви и еще одной любви, к этому вечный везунчик не был готов.

Влюбленный сложил цветок несколько раз и убрал в нагрудный карман. Вернее, он сначала убрал растение в нагрудный карман, но потом вытащил его и переложил в ширинку.

- Подарю, как только появится такая возможность.

Отлил за мусорным контейнером и вернулся в Бутербродную. Важная деталь: когда месье застегивал ширинку, цветок выпал и упал в лужу свежей мочи. Жлобель, потомственный француз, предпочел этого не заметить.

Он оказался в Бутербродной. Полупьяные завсегдаи одобрительно хлопали его по спине, поздравляя с приходом весны. Месье Жлобель был так увлечен своим чувством, что не обращал на их фамильярность никакого внимания.

Молча улыбаясь, он прошел в кабинет и продолжил дегустацию вина.

[27]

Эту главу мы назовем так. Безудержная красота ног мадам Марисоль. Прекрасное начало.

Ненадолго вернемся к мадам Марисоль. Благо, это не так утомительно, как разбираться в устройстве Бутербродной. Оставим месье Жлобеля дегустировать Чебоксарские вина, мысленно приделаем великолепные ноги обратно к туловищу Марисоль и посмотрим, что получилось.

Когда мадам юной особой прогуливалась по парку, прохожие не отрывали глаз от ее ног. Никто не ин-

тересовался внутренним миром девушки или хотя бы ее образованием, только ногами.

Месье Жлобель, с малых лет росший без отца, знал об успехе ног матери, но сделать ничего не мог.

- По крайней мере, я отдаю себе в этом отчет, - говорил тогда юный Жлобель.

Мадам Марисоль в свою очередь считала, что сыну дела нет до ее ног и всеобщего восхищения их видом.

Правильнее было бы написать так.

Жлобель сам несколько раз видел ноги Марисоль и не без почтения отзывался о них. Потому что мадам, действительно, была известна в районе своими ногами и всякий, будь то ребенок или старикашка, хоть раз задумывался, что неплохо бы и посмотреть на это чудо, пока их не ампутировали или еще что.

Когда месье Жлобель вырос, он стал ценить ноги матери еще больше и, отлучаясь из дома, всегда фотографировал их, чтобы, не дай бог что случится, ноги мадам Марисоль всегда оставались под рукой, запечатленные на снимках.

Для этих целей Жлобель даже купил фотоаппарат. Ручной фокус, небольшой экранчик, на котором видно, что ты собираешься щелкнуть, одним словом, мечта. Вдали от дома Жлобель всегда любовался материнскими ногами посредством экранчика. Их вид его завораживал.

Как таковые, ноги мадам Марисоль, действительно, можно было назвать красивыми. Но не при всяком освещении. В большинстве случаев виднелась пара жирных булок, покрытых плохо заштопанными колготками серого цвета.

Всего-то.

Но сколько шума вокруг этих булок.

Что же касается самой мадам, сейчас мы имеем в виду ее физиономию, это проще простого. Немного желтоватое, немного сплюснутое с немного выпирающим шнобелем личико могло бы служить зеркальцем

для женщин, бреющих усики. Между тем, у Марисоль усики не росли нигде. И сколько Жлобель не показывал мать приятелям, вертя ее на всякий лад, чего чего, а усов никто не заметил. Смотрели только на ноги.

Однако, с возрастом месье Жлобель стал требовательнее. И потрепанные временем материнские булочки его больше не впечатляли. Хотя вся округа и была от них без ума, ночами не спала, желая пощупать хотя бы в перчатках, из-за чего даже распалось несколько браков, кто о них теперь вспомнит.

А следовало еще сказать, чего по моральным соображениям мы попытались бы избежать, но из песни строчку не выбросишь, что с рождением каждого ребенка, ноги Марисоль удваивались в диаметре. Так что после рождения третьего брата месье Жлобеля они приобрели какие-то немыслимые размеры, заполнив все вокруг своей красотой.

Обратим внимание на один нюанс. Жлобель любил тощие ноги, в то время как материнские булочки вряд ли такими назовешь. Это, скорее, две армейские тумбы с поставленным на них туловищем. Что это именно ноги, вряд ли придет в голову.

Однажды Жлобель, снабженный ингредиентами для приготовления цементного раствора, а именно: ведром цемента, тремя ведрами песка, пятью ведрами воды и резкой для пиццы, которую собирался использовать вместо шпателя, со всем этим Жлобель пробрался в подъезд матери, поднялся на ее этаж и сделал одну ступеньку выше остальных.

Сам же с пустыми грохочущими ведрами сбежал по лестнице и выскочил на улицу, посчитав остальное делом времени.

Так и случилось. Не прошло и пары месяцев, как мадам Марисоль, забыв ключи на ящичке для писем, споткнулась о ступеньку Жлобеля и сломала ногу.

Как вы помните, мадам не придала случившемуся значения и почти неделю пробегала, не обращая на травму никакого внимания. Жлобель на это и расчи-

тывал. В итоге нога была поражена гангреной, из-за чего ее в последствии отпилили. Ее и еще одну.

После операции мадам Марисоль очнулась в палате, подняла одеяло и увидела, что замечательных тумбообразных ног больше нет, они выброшены на улицу.

Не на шутку разозлившись, она внезапно закричала на месье Жлобеля, который довел до этого. Но, слава богу, хозяин был уже в Бутербродной. Откупоривал пятаю бутылку суданского портвейна.

[28]

Месье Жлобелю повезло.

Так подпортить фигуру матери и не получить по роже.

Это надо уметь.

А о ногах мадам Марисоль пришлось забыть.

Остались только фотографии.

[29]

Да. Все случилось именно так, как мы написали. Ни строчки неправды.

Мадам Марисоль через несколько дней перевезли домой, где поместили на антресоли доживать свой век, никому не мешая. Месье Жлобель не зря бегал домой и измерял длину антресолей, а потом обратно с сантиметром в больницу измерять длину матери без ног.

Все удалось. Не придраться. Тютелька в тютельку. Мадам Марисоль уместилась на антресолях. В случае чего можно было даже дверцы прикрыть, не боясь ударить ими женщину по голове.

Сразу скажем, что мадам так и не покинула антресолей, пока не окочурилась окончательно. Всеми за-

бытая, опороченная, укороченная по крайней мере в два раза.

Единственной отрадой остались фотографии потерянных ног, которые сын время от времени совал в щель между дверцами, чтобы унять материнский вой. Жлобель занимался этим только когда был в квартире маман, а это случалось очень редко. Почти никогда.

Месье Жлобель сдал квартиру с мамашей на антресолях. Дал объявление, указал номер телефона и сдал первому подвернувшемуся.

Так получилось, что новым жильцам квартира не понравилась.

- Все какое-то занюханное, - заявили они. – Хоть ремонт бы сделали.

Затем они спросили.

- Раньше здесь жила старуха?

Месье Жлобель устало закивал, представляя, как будет искать строителей, следить за их работой, требовать, ругаться и в итоге все равно заплатит, даже если результат окажется хуже, чем было до ремонта.

Как обычно повезло.

Случай свел месье Жлобеля с Марио. Двух зайцев напавал. Во-первых, месье, наконец, встретил объект своих любовных фантазий. Во-вторых, он встретил рабочего, который отремонтирует квартиру маман.

- Сделаешь ремонт? – спросил Жлобель.

Марио согласился.

Он знал хозяина как жадного, скудоумного, обрюзгшего, хитрого, убогого, лживого неврастеника. И знал, что Жлобель вряд ли заплатит за работу. Будет тянуть, пока от него не отстанут, а потом всучит жалкие крохи и с видом мецената заявит, теперь мы в расчете.

Но как велико оказалось обаяние хозяина. Марио был сражен. Влюбился как малолетка.

Из жадного, скудоумного, обрюзгшего, хитрого, убогого, лживого неврастеника Жлобель преобразился

в жадного, скудоумного, симпатичного, хитрого, убогого, лживого неврастеника.

Какая перемена!

Какой размах!

Марио даже прослезился, подписывая сунутый месье договор. Поэтому как он ни старался прочитать хоть пару предложений, ни слова не увидел.

[30]

Теперь Марио работал в двух местах: днем в Бутербродной, по ночам в квартире мадам Марисоль.

Распорядок дня был таким.

В семь часов утра его будили и отправляли на кухню, где он выполнял обязанности типа подай-принеси. Это длилось до девяти часов, когда в Бутербродной появлялись первые посетители. После чего Марио направлялся в зал носить тарелки от барной стойки к столикам и обратно, следя, чтобы вначале тарелки были с едой, а в конце без еды. Это продолжалось до двух часов, после чего карлика возвращали на кухню мыть посуду, которую до этого он носил от барной стойки к столикам и обратно. Марио мыл посуду до изнеможения. Обычно оно наступало к десяти вечера, именно в это время его ждал легкий ужин и два часа свободного времени, которые работник чаще всего проводил в туалете. Ровно в полночь его вытаскивали из туалета и отправляли в ларек за продуктами. Откуда он возвращался в шесть сорок пять, чтобы пятнадцать минут поспать перед новой сменой.

Теперь же, когда Марио работал не только в Бутербродной, но еще и в квартире мадам Марисоль, с продуктами он возвращался сначала в квартиру, выполнял запланированные работы, чтобы сэкономить время, даже не снимая рюкзака, и уже после возвращался в Бутербродную.

Но при таком распорядке карлик приходил в кафе не в шесть сорок пять, а ровно в семь, когда нужно было заступать на смену. Вдумайтесь в это и вам станет понятно: Марио лишился так нужного пятнадцатиминутного сна перед работой.

Несколько дней он ломал голову, как вернуть все обратно, чтобы снова спать пятнадцать минут перед работой. Но так ничего и не придумал.

Не приставать же с таким пустиком к месье Жлобелю. Тем более теперь. Когда они, можно сказать, стали любовниками.

Несмотря ни на что выход был найден.

Все случилось спонтанно. Измотанный двумя неделями с исковерканным графиком Марио вошел в квартиру мадам Марисоль и первым делом направился в туалет, где рухнул от усталости, чудом не раскрыв череп об унитаза.

Запланированные на ремонтные работы пятнадцать минут Марио провалялся без сознания, после чего вскочил и, чувствуя себя отдохнувшим, помчался в Бутербродную.

С этого дня ремонт в квартире мадам Марисоль не продвинулся ни на йоту.

Потому что Марио приходил только спать. Он любил делать это в туалете. Разлегшись полудугой вокруг унитаза. Чистота, прохлада и свежесть – видимо, это привлекало работника.

А мадам Марисоль в это время бесшумно гнила на антресолях. Ее лицом начали питаться муравьи.

[31]

Следовало бы еще немного рассказать о Марисоль. Мадам многого лишилась с утратой ног. Помещенная на антресоли, вынужденная там доживать свой век, она первым делом распрощалась с популярностью, столько лет отравлявшей ей жизнь.

Все эти нелепые комплименты, как хорошо вы сегодня выглядите, прекрасный макияж, прическа, жакетка, платье, пальто, сапожки, улыбка, настроение, цвет лица, форма груди, изгиб бровей, носа, губ, плеч, рук, ног, округлость шеи, груди, талии, бедер, опухлость лица, щек, ушей, пальцев, блеск волос, ногтей, губ, зубов, туфель, колец, перстней, кулонов, брошек, цепочек, серег, чистота обуви, штанов, курток, головных уборов, трусов, тела, запах духов, зубной пасты, отсутствие пятен от еды, сока, чая, кофе, пива, вина, коньяка, виски, абсента, самогона, чернил, пыли, дорожной грязи, пота, отсутствие ссадин, гематом, шрамов, выбитых зубов, ожогов, растяжений, вывихов, переломов.

Все это успело смертельно надоест за столько-то лет. Но в комплиментах, хоть они и воспринимались навязчивыми банальностями, было что-то хорошее. Мадам поняла это уже лежа на антресолях.

С утратой комплиментов Марисоль лишилась и наслаждения жизнью.

Как всегда, правду узнаешь, когда это теряет всякое значение, когда ничего сделать уже нельзя. Мамаша Жлобеля уяснила, наконец, что без отравлений нет больше ничего.

Жизнь и есть каждодневная травля.

Теперь же, освободившись от удовольствий и зловония комплиментов, распрощавшись с половиной тела, Марисоль гнила на антресолях, сознавая никчемность единственной своей жизни.

А как еще могла сложиться жизнь с такими ногами?

Только так.

Считанные дни, проведенные мадам Марисоль на антресолях, состарили ее до безобразия.

Глубокие морщины избороздили все лицо, в них тут же забились пыль. Но, лишенная необходимых для ухода за собой приспособлений, у мадам Марисоль не было даже зеркальца, она не заметила перемены.

Радовалась ежедневной кормежке из миски и отхожему месту в виде дыры в полу антресолей.

Круг потребностей свелся к поглощению и выведению пищи.

А еще через неделю вместе с ногами Марисоль лишилась и мозгов. Теперь ей казалось, что она живет за границей и мучается из-за собаки, доставшейся от первого мужа.

Мадам стала писать письма, указывая в качестве обратного адреса пару слов – мадам Антресоль.

[32]

Здравствуйте у меня своеобразный вопрос и я не уверена что вы им заинтересуетесь но все же у нас есть общая собака моя и бывшего мужа но он постоянно живет в Мексике там у него новая семья новая жизнь и новая собака а я со вторым мужем живу во Франкфурте мы недавно переехали из Кельна перед разездом с первым мужем я взяла собаку к себе и это принесло тяжелые лишения проблемы с домовладельцем и полицейским участком собака постоянно лаяла провоцируя скандалы с соседями но в Германии все не просто по их словам собака нарушала установленный порядок о покое в доме мы обратились к адвокату но он не помог только взял деньги и больше ничего мы поехали с собакой в отпуск было очень тяжело в Париже с собакой никуда не пускают ни в одно кафе ни в одну гостиницу ни в один кинотеатр мы спали на тротуаре муж привязывал собаку к ноге и она старая нервная постоянно скулила так что даже я привыкшая к ее фокусам безумно устала позже я отвезла собаку детям откуда ее забрали родители бывшего мужа потому что дети из-за нее ссорились так мы немного пришли в себя но затем родители бывшего мужа потребовали забрать собаку обратно я согласилась но попросила небольшую отсрочку потому что не знала

как отнесутся к собаке в теперешнем нашем доме родители бывшего мужа категорически против отсрочки максимум на неделю ссылаясь на свой возраст но и мы тоже категорически против брать животное без отсрочки потому что знаем собака постоянно скулит лает и мешает соседям нас выгонят из дома на следующей же неделе альтернатива этому быть привязанным к дому никуда не ходить без собаки с которой нас никуда не пускают кроме этого собака категорически не нравится второму мужу у каждого свои вкусы он согласен взять ее на короткий срок но первый муж шантажирует меня зная как я привязана к собаке он говорит что ее нужно отдать в приют или усыпить в приюте она погибнет когда я думаю что собака останется одна в клетке даже и с другими собаками в соседних клетках у меня сердце обливается кровью собака для меня много значит это часть моей жизни сейчас ей одиннадцать с половиной лет и она очень ко мне привязана мы отдавали собаку на время когда жили в общежитии но я знала что она в надежных руках а не в приюте такое уже было родители бывшего мужа мстят мне за разбитую судьбу своего сына у меня с ними с самого начала не сложились отношения они дошли до того что обливают меня грязью на глазах у детей а теперь еще и эта собака она не требует какого-то ухода кроме регулярных прогулок и снова та же ситуация родители первого мужа знают что второму мужу не нравится собака и ставят меня перед выбором первый муж умывает руки он здесь не причем только я второй муж родители первого мужа и наша общая собака пожалуйста не упрекайте мне и так тяжело.

[33]

Ну ладно. Веселью конец. Черт с этой мадам Марисоль. Похоже, ничего стоящего от нее уже не дож-

дешья. Без красивых ног, признания и самоуважения она не стоит нашего внимания.

Перескажем на другую тему.

Когда-то мы обещали перебрать ассортимент блинов. Этим и займемся. Все равно рассказывать больше не о чем. Исчерпаны все персонажи.

Оставим их. Кого-то на антресолях без ног, внимания и рассудка. Кого-то на площади Канатоходцев с разбитым сердцем и срамотицей на глазах у всего народа. Кого-то в туалете заснувшим у унитаза с единственным желанием не просыпаться. Кого-то заваленным в своем кабинете горой пустых бутылок.

Кому теперь интересны эти доходяги?

Сейчас вы увидите список из двадцати трех начинок блинов. Вот это, действительно, захватывающе.

Итак...

Блины с картошкой, с грибами, с картошкой и грибами, с капустой и грибами, с мясом и грибами, с курицей и грибами с блохами, с грибами и сыром, с картошкой и грибами, с рисом и грибами, с яйцом и грибами, с обваренной, обжаренной и обсыпанной грибами сосиской, с обветренной ветчиной и грибами, с красной икрой и грибами, с гусиным паштетом, маринованными огурчиками, зеленью и грибами, с осетриной, обожравшейся грибами, с обветренной ветчиной и брынзой с грибами, с солеными арбузными корками и грибами, со стружкой красного дерева и грибами, с мандаринами вперемешку с грибами, с какими-то бутербродами, обернутыми ватой и грибами, с желудями, грибами, обернутыми целлофаном или фольгой, с диабетическим собачьим кормом на основе лесных ягод и грибов, с целым кабаном, обмазанным медом, с шампанским в мочевом пузыре, гусиным паштетом в желудке и грибами в легких.

Великолепный выбор.

Стоит еще сказать, что все это подавалось не в качестве блинов, а в качестве неких порций. Базирую-

щаяся на условности идея заключалась в запутывании посетителей - чтобы никто не знал, что ему принесут.

Такова традиция.

Например, могли принести две детских порции, а могли одну мужскую, могли принести четыре маленьких детских порции, а могли половину гигантской мужской.

Главное было услышать, что при выходе в зал кричал официант.

Например, он мог кричать:

- Четыре детских с диабетическим собачьим кормом на основе лесных ягод и грибов.

Или:

- Половина гигантской мужской с целым кабаном, обмазанным медом, с шампанским в мочевом пузыре, гусиным паштетом в желудке и грибами в легких.

Или:

- Мужская с обваренной, обжаренной и обсыпанной грибами сосиской.

Существовала еще и так называемая женская порция.

- Пол женской с обветренной ветчиной и грибами, - бесновался официант и валился с подносом на пол.

Почему-то так чаще всего и случалось.

Поэтому женской порции посетители предпочитали любую другую.

[34]

Тем временем страсти в Бутербродной поутихли. Вернее, наоборот, страсти накалялись.

Наплыв посетителей перекрыл разумные пределы. Про столики забыли, люди валились прямо на пол и с голодухи разве что друг на друга не набрасывались.

Толпы обездоленных бродяг шныряли по залу, толкались, ругались, плевались, дрались, сквернословили, гримасничали, истерили, рыдали, кашляли. Все как обычно, но с еще большим идиотизмом, с обескураживающим размахом.

Такого количества остервенелых тунеядцев здесь еще не видели.

Пропорционально наплыву посетителей ухудшилось обслуживание. В два, в три, в семь, в восемнадцать, наконец, в двадцать пять раз.

В итоге случилось непредвиденное.

Пока месье Жлобель отдыхал в кабинете, где пытался хоть немного расслабиться, лежа на узком коротком диванчике. Пока он вставал с этого диванчика, шел к личному бару, брал первое, что подворачивалось под руку, пока откупоривал, делал несколько глотков, блевал, затем делал еще пару глотков, пока его желудок снова сводило судорогой, горло спазмами, голос хрипом, глаза слезами, чтобы после всего этого сделать еще несколько глотков, валясь на колени, отшвыривая бутылку, продолжая блевать.

Именно так.

Пока месье Жлобель пил, потом блевал, потом снова пил и снова блевал, пил и блевал, пил и затем снова блевал, и снова пил, чередуя, комбинируя, меняя бутылки, напитки, вкус, крепость, плотность, вязкость, стоимость, пока хозяин всем этим занимался, а наплыв посетителей в Бутербродной перекрывал разумные пределы в два, в три, в семь, в восемнадцать, наконец, в двадцать пять раз, а обслуживание пропорционально ухудшалось в два, в три, в семь, в восемнадцать, наконец, в двадцать пять раз, пока события развивались в этом направлении, случилось непредвиденное.

Случилось черт знает что.

Работники Бутербродной отказались выполнять свои обязанности.

Они всегда работали из-под палки. Из-под палки или очень медленно – так медленно, как им хотелось.

Насилию месье Жлобель предпочитал медлительность.

Поэтому и произошел дебош одичавших от голода мерзавцев.

Судите сами: когда на приготовление картофельного пюре уходила пара суток, а в зал его выносили еще дольше, мясо жарили над зажигалкой, бульон варили в сливном бачке, а приготовление блюд из собачатины, кошатины и мышатины начиналось с отлова собак, кошек и мышей вблизи Бутербродной.

Что еще оставалось делать оголодавшему мерзавцам?

[35]

Забегаловка и без того была на плохом счету, просто поблизости больше ничего не было. А теперь ее вообще стороной обходить будут.

Именно этого испугался месье Жлобель, когда пани Черепеха вбежала в его кабинет и рассказала о происходящем.

- Мерзавцы ломают зал, потому что официанты отказались выносить заказы, - проорала пани над ухом пьяного месье.

Пока Жлобель силился ее понять, суетясь в луже блевоты, в дело вступили полумертвые животные.

Курицы набросились на соплеменницу и общипали ее с головы до ног. Затем затолкнули в кастрюлю с водой. Разожгли огонь. Бегали, кудахча, вокруг кастрюли, добавляя то репчатый лук, то морковь, то чеснок, то сельдерей, то добавляли тимьян, то лавровый лист, то майоран, то гвоздику, то любисток, то черный перец, добавили даже мускатный орех. А их общипанная соплеменница тем временем мешала бульон, вращая высунутым из воды клювом по часовой стрелке.

Когда блюдо было готово, его подали на стол. Вареная курица на последнем издыхании пожелала приятного аппетита. После чего сдохла на глазах восторженных посетителей.

Что началось!

Восторгу мерзавцев не было предела. В нескончаемых овациях в кровь разбивались ладони, в клочья разрывалась одежда, разлеталась обувь, рвались голосовые связки, лопались кровеносные сосуды, посетители теряли голос, слух, зрение, фонтаны крови били из носов, ртов, глаз, ушей.

Благодаря курицам Бутербродную не разнесли в пух и прах. Даже наоборот – месье Жлобель заработал кучу денег. Какой успех на пустом месте. Признание. Триумф. Обожествление.

Посетители принялись за суп, а общипанные курицы самоотверженно прыгали в кастрюли, варились и подавались новыми порциями. Аппетит у мерзавцев разыгрался не на шутку. Все им было мало.

Марио, восхищенный жертвенностью животных, взялся готовить пирожки. Чем никогда не занимался, не представлял даже, с чего начать. Но нас интересует не чем он занимался, а что делал.

- Деликатес, кулинарный бестселлер, - заорал месье Жлобель, сунув первый пирожок в красный рот.

Марио сконфуженно улыбнулся.

Теперь все смотрели на него: Жлобель, пани Черепаша, мадам Кашалот, миссис Сплюснутая, вареные курицы, жареные обезьяны, лягушачья требуха, собачатина, кошатина, мышатина и даже несколько посетителей, привлеченные пьяными выкриками хозяина этой дыры зашли посмотреть, что происходит.

Все уставились на карлика в ожидании секрета пирожков.

- Как ты этого добился? – спросил месье Жлобель с набитым ртом.

Тут все и раскрылось.

Пирожки, нареченные Жлобелем "Духами Афродиты", отличались от обычных всего одной деталью. Прежде, чем залепить начинку тестом, Марио подносил пирожок к заду и выпускал порцию газа. И только после этого герметизировал тестом.

Таким образом, успех "Духов Афродиты" заключался в единственном дополнительном ингредиенте.

Жлобель пожал руку Марио и, согнувшись почти в три погибели, поцеловал его в губы. На время хозяин и подчиненный соединились ртами. Жлобель попытался вытолкнуть куски пирога карлику в рот, но у него ничего не получилось: Марио выставил язык перегородкой.

Щелчок – и они отлипли друг от друга.

Месье поднялся и встал в полный рост. Карлик остался, где был до щелчка, и продемонстрировал окружающим, как именно он готовит пирожки.

Окружающие пришли в совершеннейший восторг. Дикие вопли жадных до кулинарных изысков гурманов. В этой дыре такого еще не было.

Жены вырывали пирожки у мужей, подносили ко рту, но не успевали надкусить, как детская рука выцарапывала пирожок теперь уже у них. У детей пирожки отнимали старухи. У старух инвалиды. У инвалидов бездомные. У бездомных прокаженные.

Дикий ажиотаж, конфликт сословий, поколений, полов. Обезумевшие старухи, придерживая выпадающие челюсти рвали на куски розовых детей, только-только оторванных от груди.

Респектабельные бизнесмены, чиновники с многочисленной родней, едва дышащие животные, официантки и во главе всех месье Жлобель. Гонимые кулинарной похотью, в хаосе движений, звуков, ничего не видно, не слышно, крики, стон, оголенные эмоции.

Все устремляются к заду Марио, хватают пирожки, проглатывают, не пережевывая, не чувствуя вкуса, тянутся, чтобы взять еще, каждый раз одно и то же, цикл, бесконечно повторяющееся действие.

Месье Жлобель палкой строит всех в очередь, бьет выскочек по рукам, по ногам, вышибает зубы, оглушает. Но выскочек слишком много. Надолго Жлобеля не хватает. Он выбивается из сил, валится с ног, хватается за сердце и хрипит.

Кто-то плюет ему в лицо. А потом закидывает остаток пирожка месье в рот.

Жлобель хрипит.

Остаток пирожка оказывается в его левом легком.

Жлобель не может дышать.

Жлобель теряет сознание.

Жлобель умирает.

[36]

Все.

Конец игры.

Вот мы и добрались до финала.

Из глав осталась только эта и последняя, тридцать шестая.

Больше ничего не будет.

Всем привет.

Salut.

Прощайте.

[37]

Пришла скотская весна. Куда ни посмотри, всюду виднелись грязные сугробы. Дороги покрылись ледяной коркой. Безрадостное зрелище. Не пройти, не полюбоваться.

Зима все переварила, перемолола и выблевала обратно. Город, жителей, беспардонную хамку природу. С низкого серого неба сочилось отчаяние.

Я вышел из подъезда. По дороге разминал суставы, кровь никак не отливала из затекших предплечий. Очередная растроченная впустую ночь. Роман не увеличился ни на строчку.

Творчество. Страдания. Бессонница большую часть года.

Как все осточертело.

Я такой же как этот город. Мы с ним близнецы. Пара ливерных колбасок в общей кишке. Одна судьба на двоих.

Порыв морозного воздуха едва не свалил меня с ног. Я удержался, но лишился шарфа. Ветер сорвал его с моих плеч. Нужно было обмотать шарф вокруг шеи, хотя бы заправить в пальто. Не хватило ни сил, ни разума. После нескончаемой зимы и трех бесплодных ночей я едва соображал, где нахожусь.

Ладно. Бог с этим шарфом. Двинемся дальше.

[37]

Я направлялся в местную забегаловку. Одну на километры вокруг. Черт меня дернул поселиться в этой дыре.

Что-то задержало у входа. Там была неудобная высокая лестница с обледенелыми ступеньками. Наверно, я хотел набраться сил, прежде чем пуститься в авантюру восхождения.

Перед возвращением к письменному столу я нуждался в чашке крепкого кофе, в наблюдении за редкими посетителями. Может быть, наткнусь на удачного персонажа, который оживил бы мое повествование хотя бы парой оригинальных реплик.

Нужно было взбираться по лестнице.

Сначала правая нога оказывается на первой ступеньке. Очень осторожно – руками цепляюсь за шатающиеся перила. Затем левая подтягивается туда же. Фиксируется положение, нужно устоять на скользкой

поверхности, не упасть. Только за тем, чтобы начать все сначала.

Снова поднять правую ногу, занести над второй ступенькой, встать. Аккуратно подтянуться на перилах. Переставить левую ногу, устоять, не слететь кубарем обратно.

И опять все сначала.

Третья ступенька, четвертая, пятая, шестая.

После шестой короткий перерыв. Нужно восстановить дыхание, силы, душевный покой. Осмотреться. Пересчитать, сколько осталось ступенек. Еще двенадцать.

Продолжаем.

Седьмая, восьмая, девятая. Что-то я разогнался. Десятую ступеньку я преодолеваю почти сразу после девятой, забывая зафиксировать тело в устойчивом положении. Дурной знак. Добром это не кончится. Сколько раз повторял себе, но так и не сделал нужных выводов.

Правая нога ступает на одиннадцатую ступеньку. Я резко подтягиваюсь на перилах, толкаюсь левой, правая скользит по поверхности, ослабшие руки не могут удержать меня, как и ожидалось, я лечу кубарем вниз.

Лучше бы я упал со второй ступеньки. Одиннадцатая – это перебор. Высота три с половиной метра. Я не разбиваюсь только благодаря своему везению.

Оказавшись у подножия лестницы, я медленно поднимаюсь на ноги. Стряхиваю с пальто грязный снег. Восстанавливаю дыхание. Привожу в порядок одежду. Хорошо, что больше нет шарфа: меньше работы.

Затем я хочу продолжить свое восхождение.

Вернее, пока только думаю, что хочу продолжить свое восхождение.

Мой взгляд привлек возвращающийся со смены рабочий. Как и от меня, от него несло усталостью, на лице застыла гримаса бессмысленности.

Рабочий посмотрел на меня, перекладывая сумку с инструментами на другое плечо. У него блеклые, выпотрошенные, холодные глаза.

Этот рабочий, он уже не мог терпеть, не мог больше скрываться за пустотой обескровленного существования. Суетливостью.

Мы поняли друг друга с одного взгляда.

Я подмигнул ему.

Рабочий не выдержал, и перед тем, как я продолжил восхождение, перед моим исчезновением в забегаловке, в которой я бывал каждое утро, в которой не осталось ни свежести, ни вдохновения, которая не способна даже прорвать гнойник меланхолии, пробудить интерес к жизни, после которой нельзя было написать ни строчки, так она изматывала своей обыденностью, так вот, этот рабочий будто угадал мои мысли, как угадывает мысли ребенка мать перед абортom, рабочий раскусил меня и плюнул в проходящего мимо мальчика.

Вязкая, похожая на сперму, слюна сползла с брови ребенка, повиснув крупной каплей у его рта. Он не заплакал только от неожиданности.

Я все еще стоял у лестницы, когда официантка высунулась из приоткрытой двери и выкрикнула пару ругательств. Ей тоже поперек горла все это было. Особенно морозный ветер, который продул ее насквозь, лишив способности к деторождению.

Рабочий ухмылялся. Плевков немного развлек его.

Мать отвесила ребенку затрещину, чтобы тот не расплакался прямо здесь, на улице, на глазах у людей. Вытерла ему лицо обрывком газеты, которую читала. Растворившаяся в слюне краска осталась на щеке испуганного мальчика.

Наконец-то.

Рабочий и мать с сыном разошлись в разные стороны.

Я остался один. Измученный нелепой сценой, замерзший на сквозняке перед входом в забегаловку.

Я все-таки смог подняться по лестнице и зайти в кафе с вывеской "Бутербродная". Где озлобленная, уставшая официантка прохрипела, чтоб я убирался и никогда больше не приходил сюда, потому что их тошнит от одного моего вида.

[37]

Если вы хотите знать, как я отреагировал на слова официантки, я скажу как. Мне было плевать на них. Каждое посещение, а я всегда посещал это заведение утром, начиналось с ругательств персонала. Меня это уже не трогало.

Я заказал чашку кофе и блин с желудями и грибами, обернутыми целлофаном. Но больше всего в тот момент мне хотелось не кофе и не блин, больше всего мне хотелось сходить в туалет.

Я отошел от стойки. Это убогое кафе не имело столов со стульями. К счастью, народа было не так много, как обычно, так что я без лишней толкотни прошел в туалет. Можно было сделать все посредством стоков в полу, но я предпочел уединение.

Три из четырех туалетных стен оказались оборудованы дверями. Рядом с четвертой стоял унитаз. Одну дверь я закрыл за собой, с помощью нее я и оказался внутри. Но вот две другие. Они могли открыться в любой момент. Какое здесь может быть уединение.

Хуже всего было то, что я не знал, куда ведут эти двери. Вроде бы, в зале Бутербродной имелась только одна дверь в туалет, которой я и воспользовался.

Я задумался.

Нет, я не мог думать в том состоянии.

Вы не поверите, я расплакался. Не знаю даже, из-за чего. Меня ждали горячий кофе и блин, а я плакал, стоя над унитазом. Даже не сидя.

Мне казалось, дома человек может заниматься чем угодно, пусть хоть скатерть жует, но в общественном месте, в публичном туалете. Какое право они имеют оставлять три двери вместо одной.

Нельзя лишать человека уединения. Всего остального – пожалуйста. Но уединение оставьте. Пусть это будет дом, больничная палата, тюремная камера или туалетная кабинка – не важно. Пусть у человека будет хоть какое-то место, где он мог бы остаться наедине с собой.

Я так и не смог справиться свои потребности. Спустил для приличия воду, вымыл руки и вышел в зал.

На стойке меня ждали кофе и блин. Но отсюда я не видел, с чем был этот блин. С чем я просил или нет?

[37]

Продолжу.

Хоть это угрюмое повествование всем уже осточертело. У всех оно в печенках. В селезенке. В левом легком. Рыбной костью застряло поперек горла.

Пусть.

Что с того, если профаны отплеваются? Не такая уж роскошь писать этот роман. Я бы сказал наоборот. Но не буду. Скажу только, что мне все равно, как вы воспринимаете текст. Все равно он скоро закончится. Можно прощаться.

- Прощаться? А как же мы, ваши читатели? – заголосили дерьмоглоты.

Не знаю, что и сказать... вам... дерьмоглотам.

Наверно, никак. Никак вам не быть.

Так слишком грубо, все-таки это мои читатели, а не дерьмо в прорубе.

Возможно, придумаю для них что-нибудь позже.

А может быть и нет.

[37]

Я так и не подошел к своей стойке. Так и не узнал, с какой начинкой принесли блин. Часто их путали. Случайно или намеренно – мне безразлично.

Я жалел только о кофе. Чего я хотел, так это чашечку крепкого кофе.

Но в этом заведении не было чашек. Кофе приносили в пластиковых стаканчиках. Ужасная подробность, но без нее не обойтись.

Да!

Кофе стояло на стойке в пластиковом стаканчике.

Когда я вспомнил, что здесь всегда так, что посуда только пластиковая, потому что когда-то разбили всю обычную, меня передергивает.

Об этом ли я мечтал? Есть с газеты, пить из пластика? Я, писатель, готов терпеть, мучиться и все равно молчать, унижаться, переносить лишения, вжав голову в плечи.

Как черепаха. Но у черепахи нет плеч, а у меня есть.

Как же это достало! Вечно одно и то же. Отчаяние, сменяемое апатией.

Пусть хоть сейчас будет не так. И, действительно, все меняется.

Меня разрывает на части, я взбешен, в ярости. Сколько можно? Есть с газеты, пить из пластика?

Я человек, а не крыса. Я француз.

Нет, я не француз. Я пишу о французах, но сам я не француз. Не поляк, не испанец, не англичанин, не итальянец. Я не пойми кто.

Я автор.

Повторимся. Я так и не вернулся к своей стойке, а зашел обратно в туалет, благо, едва успел выглянуть из кабинки.

Мгновение и я снова стоял в помещении с унитазом и тремя дверями в трех стенах.

Эти двери, одну я закрыл, но две оставались вне моего контроля. Я хотел узнать, куда они ведут.

Возможно, они были закрыты. Возможно, были декоративными, нарисованными на стенах, но не существующими в виде функциональных объектов.

Прежде всего, я хотел разобраться.

Я подошел к одной двери, правой от меня, левой от унитаза, и потянул за ручку. Дверь не двигалась ни в одну сторону. Действительно, это были лишь нарисованные на стене контуры с вкрученной ручкой.

Оригинально, ничего не скажешь.

Я подошел ко второй двери. Вернее, ко второй стене – левой от меня, правой от унитаза. Хотелось узнать, контуры ли на ней или правда дверь.

Я потянул за ручку сначала на себя, а потом от себя. Когда я тянул на себя, дверь или контуры двери никак себя не проявили, создалось впечатление, что это не дверь в привычном смысле, а только рисунок на стене с приделанной ручкой.

Но когда я стал толкать от себя, тоже ничего не произошло. Дверь или контуры двери так никуда и не сдвинулись.

Я готов был уже выйти из туалета к стойке с остывшими кофе и блином, но решил вдруг, нечасто такое случается, двинуть ручку вправо, а затем, если ничего не произойдет, влево. Мне также пришло в голову двинуть ручку вверх, а затем, если все равно ничего не произойдет, вниз. Но этого не потребовалось.

Я двинул ручку двери или контуров двери сначала вправо. Ничего. А затем влево. В этот момент в дверь, с помощью которой я попал сюда, начали стучать.

- Долго еще вас ждать?

Я не ответил.

Главным образом потому, что дверь или контуры двери посредством ручки, которую я двигал влево, поддались. Контуры оказались дверью, поэтому теперь я буду писать в единственном числе.

Каково, а!

С таким пристрастием изучить устройство туалетной кабинки и в результате найти лазейку. Конечно, я тут же юркнул в образовавшуюся брешь.

[37]

Я оказался в комнате.

С этого момента будем называть вещи своими именами. Не пугайтесь. Несмотря на то, что я всего лишь писатель, попавший во внутренний мир забега-ловки, я уже знаю, о чем пишу. Ближе к концу вы в этом удостоверитесь. Слово писателя против вашего пижонского недоверия.

Я оказался в кабинете месье Жлобеля.

Хозяина не было видно, сперва я заметил только карлика. Он сидел за столом с печатной машинкой и стучал по клавишам. В комнате не горел свет, практически ничего не было видно. Я обратил внимание на угол с карликом только благодаря шуму печатной машинки.

Карлик что-то писал.

- Писатель, как и я, - пришло в голову.

Фактически я стал писателем только благодаря этому карлику. Что вы на это скажете?

Пока ничего не говорите. Дочитайте до конца. Осталось совсем чуть-чуть.

Марио сидел за огромным столом хозяина Бутербродной. Короткие ноги свешивались со стула. А на культы рук он приделал хитрые приспособления, позволившие печатать на машинке.

Печатал он как бы одним пальцем, но двумя руками. А хитрым приспособлением послужили два обломка лыжных палок.

Я хотел было проявить себя, но с другой половины комнаты послышались стоны.

Говоря, другая сторона комнаты, я имею в виду, что дверь, в которую я заглядывал, делила комнату пополам, если провести через ее ручку линию, перпендикулярную стене. Комната имела очертания правильного прямоугольника.

Итак, в другом конце кто-то стонал. Но там было еще темнее и, если Марио я как-то разглядел благодаря его нетипичной физиологии, то издававшего стоны разглядеть не смог.

В темном углу стояла кровать, на которой, очевидно, лежал стонущий человек.

Этого объяснения мне хватило на первое время.

Потом, спустя пять или десять минут, возможно, шесть, а, может быть, и девять, семь или восемь, восемь или семь, возможно, девять, а, может быть, шесть, десять или пять, короче, в промежутке между пятью и десятью, десятью и пятью минутами, пока я всматривался в темноту, мои глаза привыкли и я все увидел.

Отчетливо!

Когда я понял, что вижу комнату отчетливо, первым делом я оторвался от Марио и посмотрел на того, кто лежал на кровати.

К чертям собачьим такое любопытство! Им оказался месье Жлобель.

Марио печатал на машинке, а Жлобель с приспущенными штанами, подштанниками, шортами и трусами, все они были приспущены, мастурбировал. Иными словами Жлобель дрочил.

Марио печатал на машинке и время от времени поворачивал голову, чтобы посмотреть на хозяина, но делал это настолько резко и коротко, что не мог ничего увидеть.

В этот момент я понял, что у меня вырос живот. Не прямо сейчас, пока я подглядывал, а вообще. Пока я жил, сидел за письменным столом, ходил в Бутербродную и больше ничего не делал.

Вырос живот.

Марио, наконец, дернул головой так сильно, что не смог не заметить Жлобеля. Он оторвался от печатной машинки. Развернулся, оказавшись к ней спиной.

Месье Жлобель мастурбировал, глядя в потолок. Они не видели друг друга. Вернее, один видел, а другой нет. Можно сказать, первый видел, а второй не видел. Или даже, что равносильно, второй видел, а первый нет. Зависит, с кого вы начинаете. Кого принимаете за единицу отсчета.

Я погладил живот.

Жлобель постанывал.

- Вы не в детском саду, - вдруг сказал карлик, - чтобы коверкать фамилии. Вы не очень уже молодая женщина, возможно, следует вести себя пристойнее. Я не понимаю, почему с вами склонны сюсюкать, ваши слова – явное хамство. Я могу быть не согласна, но ваше поведение переходит все мыслимые границы. Я не желаю, открыв любую книгу, видеть в ней ваше невнятное бормотание. Прозвища, которые вы даете незнакомым людям, дистилляция самого отталкивающего – выходит за рамки моего понимания.

Марио закончил речь и готов был повернуться к печатной машинке, когда ему ответил месье Жлобель.

Он сказал так:

- Мадам, вы вроде тоже уже не первой свежести, почему вы видите соринку в чужом глазу и не замечаете бревно в своем?

Я запустил руку под пиджак, рубашку, майку и затеребил себя за пупок.

Карлик вернулся к своему занятию. Месье продолжил стонать.

Марио сказал, не поворачивая головы:

- Признаки беременности я испытывала с детства, но чтобы прямо так.

Я осмотрительно вынул руку из-за пазухи.

А Марио продолжил беседу с хозяином.

- Пара подруг твоей маман, которых я знала, это такие старушки, одуванчики. Раздавленные жизнью несчастные люди, которые терпели многое и твою маман в том числе. Избавь этих бедолаг от таких мучений.

Жлобель взорвался! Не прерывая стонов он начал кричать.

- Все это время я кормил тебя с рук. Ты мизинца мадам Марисоль не стоишь. У тебя крошечный член, которым ты орудуешь в Бутербродной, и за душой у тебя больше ничего нет. Я прогоню тебя как клошара. Никто мне слова не скажет. Пошел вон.

Жлобель выпустил белесую струю, которая тут же прилипла к потолку.

Я снова запустил руку и стал гладить живот.

Понятно разочарование Марио. Он всегда предпочитал совершенно другое. Ему нравились тощие, безгрудые, мальчиковые девушки с короткой стрижкой и вкусом расплавленной пластмассы во рту.

Но Жлобель не таков. Это тучный, грудастый, женоподобный урод без волос, но со вкусом кала во рту.

Марио в негодовании вышел из-за стола, а затем вообще из комнаты. Он воспользовался второй дверью, если считать ту, у которой стоял я, первой.

Жлобель простонал:

- Мне нужен Клотримазол, лекарство от лишая.

И вышел вслед за карликом.

Еще с минуту я гладил живот, сунув руку под пальто с утеплителем, свитер, кофту, фланелевую рубашку, обычную рубашку, майку с длинными рукава-

ми и майку без рукавов. Боже мой, как же я во всем этом запарился.

Затем подошел к печатной машинке. В ней остались печатные листы.

На первом можно было прочесть.

Вадим Климов

**Бесплатное питание
на вокзалах**

2008

*Все считают, или, точнее, предполагают,
что все это, вероятно, должно закончиться
какой-нибудь поучительной историей.
Вот именно, для пиздюков.*

Луи Арагон

[1]

Речь пойдет о Бутербродной на окраине города. Заведении настолько неприглядном, что диву даешься, как о нем вообще кто-то написал.

Этим писательством я и занялся. Поэтому мне можете верить на слово. Текст насыщен таким количеством повторов, неточностей, ужасного стиля, бесконечных перечислений, вранья, дилетантства, опечаток, сумбура, непрочного сюжета, детского лепета, кустарщины, случайных восклицательных знаков, провинциальности, не тех падежей, времен и прочей подобной дребедени, на которую все равно никто не обращает внимания, что даже неловко.

Какое время – такие романы!

Орфография тоже не на высоте, пунктуация довольно условная. Наша писанина в них не нуждается.

На этом пока остановимся.

[2]

Я хватаю рукопись и возвращаюсь с нею в туалет. Присаживаюсь на унитаз, рукопись передо мной.

Первая глава заинтриговала, поэтому я продолжаю.

Читаю, читаю, читаю.

Читаю, не в силах оторваться, так здорово написано. Блестяще, бесподобно, остроумно, язвительно, осмысленно.

Я в восторге!

Читаю, потом возвращаюсь и перечитываю еще раз, по странице, по абзацу, по строчке. Каждая буква на своем месте, каждый знак. Выверено до микрона, не придерешься.

Меня распирает от зависти. Кусаю локти, начинаю с ногтей и через локти добираюсь до всего ос-

тального. Умора, от этого текста можно порвать рот в улыбке, провалиться в унитаз насовсем.

Черт возьми! Почему не я это написал? Ведь так просто. Мой стиль, мои идеи, все стырили из моей головы, просто не успел записать.

Стоп! Несколько секунд на принятие решения.

...карлик вышел... может быть, никогда больше не вернется... мало ли, что он сунул в печатную машинку... он и пользоваться-то ею не умеет... по клавишам с трудом попадал... а теперь еще и рукопись у меня... и я как раз писатель, пришел выпить чашечку кофе после окончания романа... который захватил с собой... размер небольшой, хвастаться нечем, но как-то содержание... пальчики оближете, а потом сдохнете...

Решено! Оставляю рукопись на память.

[3]

Тем временем в дверь уже ломятся совершенно обезумевшие посетители. Я сую рукопись в штанину. Пара секунд и они выламывают дверь к черту. Врываются, я только и успеваю, что вскочить с унитаза. Какие мерзавцы!

[37]

ЦЕНОК

Вадим Климов, август 2008